

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 3/27

МАРТ 1936

№ 3/27

СОДЕРЖАНИЕ:

Гайдар Баммат — Плоды Франко-Советского пакта.

Шалва Амiredжиби — Похвала рабству.

Пшемахо Коцев — Как не пишется история.

З. Авалишвили — Райский цветник.

Генерал Муса Паша Кундухов — Воспоминания.

Шалва Карумидзе — На рубеже будущего.

Микола Порш — В единении наша победа.

Тамбий Еленхоти — Самоопределение горцев Кавказа и в частности осетин.

В. Оленин — Великий всероссийский обмен.

Генерал Одишелидзе — Роль грузинских меньшевиков в войне 1921 года.

Обзор Печати.

Хроника.

26 марта.

ПЛОДЫ

ФРАНКО-

СОВЕТСКОГО
ПАКТА

Ждать пришлось недолго. Франко - советский пакт принес уже свои первые плоды. Рейнская демилитаризованная зона оккупирована немецкими войсками. Локарнский договор и 43 статья Версальского трактата аннулированы односторонней волей Германии...

Нет решительно ничего неожиданного в совершившихся событиях. Не нужно было обладать особой прозорливостью для того, чтобы предвидеть, что на ратификацию франко-

советского пакта Германия ответит занятием демилитаризованной прирейнской полосы. Мы об этом писали еще в январе, в связи с падением кабинета Лавалля и приходом к власти г. Сарро.

Если чему нужно удивляться, так это... удивлению значительной части французского общественного мнения, для которого акт 7 марта прозвучал как гром среди безоблачного неба.

Что же дальше? — Прошло почти три недели со дня взволновавшего Европу жеста Гитлера. Три лихорадочных недели, полных драматизма переговоров между Парижем, Лон-

домом и Римом, которые обнаружили, глубокое и — надо называть вещи собственными именами — совершенно непоправимое расхождение между западно-европейскими великими державами.

Франция льстила себя надеждой, что в Лондоне, ценой некоторого компромисса, ей удалось восстановить единый фронт локарнских держав и предъявить Германии нечто в роде ультиматума.

Соглашение 19 марта было воспринято пазатой депутатов и общественным мнением как значительный успех французской дипломатии. Но не прошло и двух дней, как императивное, в понимании французов, требование о передаче вопроса о совместимости франко-советского пакта с локарнскими соглашениями на рассмотрение Гаагского Международного Трибунала и решение о занятии англо-итальянскими войсками новой 20-километровой нейтральной зоны на Рейне, превратилось в Лондоне, под давлением общественного мнения, в простую, отнюдь не обязательную, для Германии базу для переговоров...

«Временный» ответ фюрера, как известно, решительно отвергает все «консервативные» мероприятия, проектированные локарнскими державами и вообще не оставляет камня на камне от лондонских соглашений.

И отказ этот, к неописуемому удивлению и возмущению французской печати, не только не вызывает никакого негодования дружественной Англии, но встречен английским правительством с явным вздохом облегчения, ибо совершенно очевидно, что, при господствующих сейчас за Ламаншем настроениях, правительству Болдвина было бы крайне трудно выполнить взятые им на себя обязательства.

Едва ли находится под сомнением, но во всяком случае еще не оформлено даже, обязательство Англии оказать военную помощь Фран-

ции и Бельгии, в случае ничем не вызванного нападения Германии на эти страны.

Специальное письмо, которое должно было быть адресовано по этому поводу Англией и Италией Франции и Бельгии все еще не послано.

Обязательство это и связанный с ним медленный контакт генеральных штабов заинтересованных стран, как известно, вызывают в общественном мнении Англии, решительно враждебном военному союзу с Францией, особенную тревогу и протесты...

Параллельно с этим выясняется, или вернее, выдвигается на первый план и другой существенный момент. А именно: представитель Италии Гранди участвовал на лондонских совещаниях лишь в качестве наблюдателя. Рим не утвердил соглашений 19 марта и, повидимому, до аннулирования санкций, ни этого и никаких других соглашений с Англией и Францией — главными санкционистскими державами — заключать не собирается.

Это обстоятельство делает невозможным дальнейшее вмешательство в конфликт Лиги Наций и предусмотренную Локарнскими договорами процедуру. И действительно, формальное обращение к Лиге с требованием осуждения Германии и соответствующих санкций еще не имело места.

Совет Лиги Наций, лишь через двенадцать дней решившийся констатировать нарушение Германией договоров и сидевший в Лондоне в довольно унизительном ожидании, когда локарнские державы найдут общий язык и вспомнят о высоком женеvском учреждении, был вынужден наконец отложить свои заседания sine die и разехался...

Вот беглый ход событий...

В итоге: — немецкие войска находятся на Рейне и нет решительно никаких признаков, дающих основание думать, что они оттуда уйдут.

Наоборот все огневые речи Гитлера, каждый день, расплавленным металлом, падающие в народные массы и доведшие Германию до предельных высот патриотического восторга, до последних граней чисто религиозной экзальтации, неумолимо свидетельствуют о том, что жребий брошен — Германия не отступит ни на один шаг и ни перед чем не остановится.

Наивно было бы думать, что хитроумная юридическая процедура и бумажные резолюции способны изменить хоть на одну ноту создавшееся положение.

А воли и решимости противодействовать Германии с оружием в руках ни у кого в Европе нет...

После бури вероятно наступит временное затишье... Новые предложения Гитлера займут время канцелярий и газетных редакций. Депутаты займутся выборами... Внутренняя политика вступит в свои права. До середины мая едва ли можно ожидать более или менее серьезных событий.

Справедливость требует признать, что германская дипломатия проявила в данном случае отличную осведомленность и маневрировала с исключительной ловкостью.

Придется кажется пересмотреть глубоко укоренившееся у французов представление о немцах, как о нации органически лишенной дипломатического чутья и меры.

Нельзя отрицать, что трудно было выбрать более удачный момент и в особенности более удачный повод для денонсирования Локарнского договора и касающихся демилитаризованной зоны статей Версальского «диктата».

Никто не сомневается, что и без франко-советского пакта Германия, рано или поздно,

нашла бы какойнибудь более или менее подходящий предлог для восстановления своего суверенитета над прирейнскими областями. Но такого повода, который заранее обезопасил бы симпатии самых широких политических кругов Англии и Америки и дал бы ей максимум возможных гарантий успешности задуманной операции — она конечно не нашла бы никогда.

Именно в результате пакта с Советской Россией в этот поворотный момент своей послевоенной истории Франция оказалась политически и морально изолированной как никогда. В настоящий момент ее безусловно поддерживают только Малая Антанта (и то Белград под сомнением) и Москва. Эгоистические мотивы, диктующие позицию Чехо-Словакии и Румынии слишком очевидны. Что же касается Советской России, то ничто конечно так не компрометирует и не ослабляет моральных позиций Франции, как поддержка Москвы.

Соседство Литвинова в Женеве и в Лондоне не может не быть убийственным для французской аргументации, апеллирующей к правому сознанию и нравственному чувству человечества, говорящей о святости договоров и верности данному слову...

«Чем больше будут нас поддерживать Советы, пишет Пьер Гаксот в «Же сюн парту», тем дальше от нас будут отходить англичане. Чем теснее будет наш союз с Советами, тем скорее покинут нас Лондон, Брюссель, Варшава и Белград. Франко - советский союз служит интересам Германии, возмечивает Германию и примиряет с Гитлером общественное мнение англо - саксонских стран. Союз с Советами осуждает нас на одиночество перед лицом Германии...»

Трудно не согласиться с такой оценкой блестящего французского историка, когда ви-

диль как Германия выступает в качестве па-
ладина Европейской цивилизации и европей-
ского правопорядка, против смертельной крас-
ной заразы. Вот небольшой отрывок из речи,
произнесенной Гессом 24 марта в Касселе.

«Вы любите говорить о безопасности
Франции, но ведь речь идет о безопасности не
Франции, а Германии. Германия находится
под угрозой попытки большевиков проложить
дорогу мировой революции в нашу страну че-
рез западную ее границу... Но пусть красный
мир запомнит раз и навсегда, что если вместо
мира он хочет принести Европе хаос и раз-
рушение — Германия будет на страже ее без-
опасности»..

Такие слова не могут не производить
сильного впечатления на воображения пресло-
вутаго «англичанина с улицы», который фак-
тически диктует свою волю послушному ему
правительству самой мощной в мире Империи...

С каждым днем делается все более оче-
видным, что покуда не будет денонсирован
злополучный пакт с Москвой, способный во-
лечь Францию в чудовищную войну, ради чуж-
дых ей целей мировой революции и защиты
коммунистической власти в Москве, Парижу
едва ли удастся восстановить дружеские свя-
зи и сотрудничество с освоенными бывшими союз-
никами.

«Невозможно, пишет в только что цити-
рованной статье П. Гаксот, никакое длитель-
ное соглашение с Италией, пока большевики
поддерживают у нас свои антифашистские ор-
ганизации, пока правительственные газеты по-
крывают оскорблениями Муссолини и итальян-
ский народ, пока антифашистская политика
санкций не будет аннулирована.

Никакое соглашение невозможно с Ан-
глией, пока у ней будет опасение быть вовле-
ченной в восточные осложнения и их послед-
ствия на Западе. Соглашение с Англией пред-

полагает отказ от нашей системы пактов в
Центральной и Восточной Европе. — Если мы
окажемся вовлеченными в войну для защиты
России и Чехословакии, Англия предоставит
нам вести войну одним...»

К этому можно было бы прибавить, что
покуда существует франко-советский союз,
Франция не может возлагать никаких надежд
на Польшу, сближение которой с Германией
было непосредственным результатом совето-
фильской политики последних лет.

Нельзя не признать, что все эти аргумен-
ты в свете того, что произошло за послед-
ние недели получают неотразимую убедитель-
ность...

Как бы однако ни сложились ближайшие
судьбы Европы, одно несомненно: события эти
открывают новую страницу в истории нашего
континента.

Глубокая встряска, произведенная дер-
зновенным жестом Гитлера и бумажная на
нее реакция держав воочию показали, что
те устои, на которых покоилось после великой
войны хрупкое равновесие мира, оконча-
тельно прогнили. Необходимость коренной ре-
организации дипломатической карты Европы
стала очевидной для всех. — Во французской
печати, самой серьезной и ответственной, как,
например, «Тань», звучат новые ноты. Слепая
вера в призрака «Лиги Наций» и насквозь
фальшивую и лицемерную формулу о «недели-
мости мира» уступает место реальному пони-
манию подлинного веса и значения живых фак-
торов, из которых складывается политический
спектр Европы. Громче раздаются голоса и тех
дальновидных французских патриотов, которые
давно уже призывают к установлению добро-
соседских отношений и к непосредственному,
без дорого стоящих и может быть не всегда ис-
кренних маклеров, стовору с Германией.
Проникнутые искренней любовью к стране, в

которой мы нашли привет и сердечное гостеприимство, мы не раз на этих страницах высказывали наше скромное убеждение, что благоденствие Франции и судьбы Европы неразрывно связаны с наступлением эры вза-

имного доверия и политического сотрудничества между этими двумя великими нациями, давшими миру столько высоких ценностей человеческого духа и культуры.

Гайдар Баймат.

Похвала рабству

Пятнадцатая годовщина советизации Грузии отпразднована с большой помпой. С посланием к грузинскому народу обратились сами Сталин и Молотов. Поздравить же Грузию с освобождением от «рабства» своей собственной независимости, приезжал, не кто иной, как «рабоче-крестьянский» маршал Клим Ворошилов, оплот и надежда красной империи. Говорились речи, читались поздравления от разных народов красного союза и в числе их телеграммы от многочисленных русских советских писателей. Как особый признак благоволения Москвы к своей любимой дочери — Грузии, две грузинские дивизии, одна имени Сталина, другая — Фрунзе были возведены в «орденноносные». Звучал «интернационал», славили Сталина!

Теперь, когда «умолкли птичек хоры и прилегли стада», можно спросить себя — кому нужны эти торжества, к чему все это словословие? С немалым основанием встает и другой вопрос: какое же участие во всем этом приняла сама Грузия? И с большим ущемлением для грузинского сердца можно ответить, что, да! участие в этих торжествах приняла и так называемая грузинская советская общественность, если, конечно, под этой «общественностью» подразумевать грузинскую литера-

туру и искусство, которым единственно и дозволено шевелить губами, затаив дыхание.

В органе союза грузинских писателей «Литературная Грузия» и в грузинском «Коммунисте» появилось стихотворное послание к Сталину, коллективный труд грузинских поэтов. Что это длинное и скучное произведение творилось по принципу стахановского соревнования над нагромождением поэтических строк, в этом я ничуть не сомневаюсь. И вот эта стахановщина, перенесенная в поэзию и подбита грузинских поэтов, написать в стихах чуть ли не всю историю Грузии, от легендарного Картлоса до «Чудесного грузина», от даты изобретения грузинского алфавита, до выпуска в свет грузинским госиздатом своей последней книжки. Можно даже утверждать, что послание грузинских поэтов к Сталину есть что то в роде советского «Ачрдили», какое то подражание поэме национального пафоса Ильи Чавчавадзе, в котором индивидуальный чавчавадзевский гений раздавлен пятой бездарного коллективного творчества. Что это так, можно усмотреть хотя бы из того, что в «послании» уделено место целому абзацу из выше названной поэмы. Факт этот замечателен в том отношении, что он как бы служит признаком реабилитации в глазах этой «советской общественности» име-

ни великого грузинского писателя, затравленного в свое время марксистами и чуть ли не ими же зверски убитого.

Есть и другая замечательная подробность в этом «Послании». Это — сугубая ненависть к меньшевизму. Но ненависть эта чисто грузинская, а не та, которую питают друг к другу большевизм и меньшевизм. Раз грузинские писатели дошли до такой ненависти к меньшевизму, что они готовы сдать его в архив, наравне с «феодализмом» и «крепостничеством», из этого нужно заключить, что либо меньшевизм совершенно искоренился в Грузии, либо он остался в таком жалком ничтожестве, что считается с ним как с явлением грузинской жизни — уже не приходится. В этом отношении настроения грузинских поэтов показательны.

Но зато «послание» мало разъясняет нам душу советского грузинского человека, взятого в оборот, с одной стороны мировым большевизмом, с другой — русской оккупацией и московским игом.

О каких бы достижениях в области грузинского книгоиздательства и вообще «науки», «литературы» и «искусства» не кричало бы «послание» грузинских поэтов, одно все же они не доказали: это то, что народы должны быть свободны и самостоятельны именно в смысле «союзно-советском», а не международном. Я уже не говорю о других большевизмских достижениях, хотя бы только и экономических, которые грузинскими поэтами сведены к простой перечислке грузинских стахановцев и к статистике в стихах, о том, кто сколько собрал сена, чая, табаку, винограда и т. д.

Но зато налицо полная материализация человеческой души, доходящая до того, что даже в поэме такого «высокого» парения, как «послание», не обходятся без пучка сена, горсти чая и понюшки табаку, да еще в торжественные дни в честь «духовного» и «нацио-

нального» перерождения Грузии. Эта духовная смерть во славу материальной статистики, к тому же мало убедительной, ибо о ней говорят поэты и романисты, бьет нас по сердцам, туманит глаза, удручает ум. Новое доказательство того, что несомня на глухое сопротивление мира, большевизм все же портит людей, портит народы и настанет день, когда он сможет испортить и все человечество, если он будет длиться, если с ним будут заключать пакты, если он будет заседать в Лиге Наций и что особенно важно для покоренных народов, если им же и предназначено освобождать народы от «рабства» своей собственной независимости.

«Послание» грузинских поэтов один из документов этой порчи людей, народов и возможно всего человечества в будущем.

Каково должно быть наше отношение к такого рода явлению — ругать наших писателей, поносить их, писать по адресу нашего народа, чтобы он не шел за ними?! По моему — нет, и к тому есть очень веские причины. «Послание» сочинено только одной группой поэтов и повидимому с согласия если не всех, то очень многих других писателей. Так думается мне, ибо в том же номере «Литературной Грузии», целиком посвященном этим торжествам, есть и «индивидуальные» письма, за подписью очень почтенных авторов и повторяющих то же самое, что и «Послание». Без сомнения, на лицо, общий душеспасительный взгляд, быть может единственная моральная подпора в том отчаянии, в котором люди там живут. Нет так же сомнения, что так думают и многие другие грузины, не принадлежащие отнюдь к науке, литературе и искусству. Следовательно, налицо факт какого то единомыслия, которому нельзя отказать в некотором советско-грузинском патриотизме. Важно это единство и важен этот патриотизм, а не их содержание, которое, конечно, с неизбежным

изменением политической ситуации радикально изменится. И было бы с нашей стороны грубо и неосторожно поносить отсюда тот патриотизм, быть может единственно возможный в тамошних условиях, который люди создают в великих муках.

Но это не мешает нам сказать нашим писателям, чему, в сущности, равна их нацио-

нальная формула: это — дозволенный грузинский патриотизм — плюс отечественный Сталин — минус независимость! Никакое обильное собирание чая и других советских продуктов не в состоянии доказать, что похвала, сказанная ими по адресу большевизма не есть похвала рабству!

Ш. Амиреджиби.

Как не пишется история

(АНОНИМУ ИЗ «БРДЗОЛИС ХМА»)

Все измеряется успехом. «Ничто у людей не имеет такого успеха, как успех». «Пусть неудачник плачет». Он — мишень для всяких стрелков.

Республику С. Кавказа постигла неудача. Она имела несчастье пасть. Ея счастливая соседка, прекрасная Грузия, под мудрым правлением монолитной партии меньшевиков, выдержала все шквалы политических и военных бурь. Период борьбы правительства Грузии измеряется не временем, потребовавшимся для отступления этого правительства от Тифлиса до Батума, а десятилетиями. Поэтому она не стонет под игом чужеземной оккупации. Она сохранила свою независимость. Газета «Брдз. Хма» издается в благоденствующем Тифлисе, а ея анонимный историк, за полным отсутствием какой либо работы по истории падения Грузии, как добрый сосед, занялся историей падения Респ. С. Кавказа. На основании «нескольких исторических документов» он точно определил первопричину падения нашей Республики.

К большому несчастью всего Кавказа, все это — «всего лишь сон». Действительность

— прекрасная Грузия, как и ея соседи, потеряла свою свободу, ея правители — в эмиграции, «Брдз. Хма» издается в Париже, а аноним-историк на ея страницах повествует о первой и единственной причине падения Респ. С. Кавказа — о «предательстве».

Аноним из «Брдз. Хма» уже во второй раз оказывает мне честь и много, излишне много строк посвящает моей скромной особе. (№ 58, январь 1936). При этом, он посылает мне упрек, что я «задним числом сочиняю прошлую историю». Ничего не найдя сказать по существу спровергнутых мною его ложных утверждений, аноним избрал «обходное движение» и изучает новым методом исторических изысканий.

«Они (мы) еще не поняли простой вещи, что история пишется, когда она делается, что происшедшие события сейчас же находят отражение в хронике народов. На этих данных и нужно строить последующие суждения относительно прошедших этапов. Мы основываемся на этой хронике. Свои ошибки они сваливают на других. Вот несколько исторических документов из этих материалов, перепечатанных из тогдашних азербейджанских, русских

и грузинских газет относительно падения Герцогской Республики».

В качестве «исторических документов» приводятся: 1) тенденциозная газетная заметка о неблагоденствии «большинства» парламента и правительства по части симпатий их к доброй армии, появившаяся в газете «Азербейджан» и автор коей скрылся за двумя буквами, и перепечатанная газетой «Грузия» № 118 — 1919 г.; 2) якобы «протокол последнего заседания совета (парламента) Республики, 23 мая 1919 года, и 3) письмо в редакцию тифлисской газеты «Эртоба» Абубекера Плиева (10 июля 1919 г.).

Далеко не нова манера — держать про запас козыри, уже не раз сыгранных партий.

Было бы большим несчастьем для истории, если, по методу анонима — историка из «Брдз. Хма», она питалась газетными легендами, пасквилями и злословиями, как они «отражены в хронике народной».

Какой политический деятель под солнцем и луной избег участи быть достоянием газетных нападок, пасквилей и прямых обвинений в предательстве и измене! Какой счастливый политический деятель — большой или малый — не был облит ушатом политической грязи?!

Если бы газетная шумиха отражающая события в хронике «была бы историей, то «тир Франции», наверное был бы гильотинирован еще в 1893 году, когда вся печать определенного направления обвиняла Клемансо в измене и в продаже своей родины Англии. К счастью для Франции «отражение в хронике событий» оказалось не историей, а клеветой, а оклеветанный «хроникой» стал впоследствии «отцом победы».

Если бы англичане придерживались исторических методов анонима из «Брдз. Хма» они своего Ллойд-Джорджа, наверное, казнили бы

в 1903 году, когда вся консервативная печать и улица называли его — «изменник».

А в наши дни один из виднейших парламентариев Франции, лидер крупнейшей политической партии разве «хроникой» печати определенного направления не обзывается «предателем»? А почтенный президент Польской Академии Литературы, соратник покойного маршала Пилсудского, всю свою жизнь отдавший борьбе за освобождение своей родины, не «отражен ли в хронике», как руссофил, «состоявший на иждивении Российск. Географ. Об-ва». Неужели все это подлинная история, и по милости хроника, «отражающей события», эти почтенные деятели своих отечеств войдут в историю, как изменники и предатели! Нет, это все не история, а дурно пахнущее болото, как не имеет никакого исторического значения и газетная галиматья, изучаемая анонимом из «Брдз. Хма», как «исторические документы».

Любитель изучения истории нашей Республики по старым газетам заслуживает упрека в исторической необъективности. Уж если изучать историю по газетам того времени, то не правильно ли было бы взять материал во всей совокупности, а не выхватывать только те, которые «соответствуют сегодняшним потребностям» историка из «Брдз. Хма». Ведь в газетах того времени — в том же «Азербейджане», «Север. Кавказе», «Заре» (эти оба издавались в Тифлисе), в «Вестнике Республики», «Вестн. Профессиональн. Союз. Дагестана», во многих русских, кубанских и донских газетах содержится не мало материала о Респ. С. Кавказа и ее деятелях. Правда, весь этот материал не того характера, какие выхватывает аноним — историк, а потому, б. м., не подходит «сегодняшним потребностям» историка из «Брдз. Хма».

«Исторические документы», приводимые

анонимом из «Брдз. Хма», ни в какой мере не «отразили события» тех времен, и противоречат историческим фактам и документам.

Тенденциозная заметка, появившаяся в «Азербейджане», инспирирована с определенной целью «видным деятелем С. Кавказа». Утверждение — будто «защитников горской независимости в правительстве и в парламенте было меньшинство» опровергается историческими фактами и документами: значительное число депутатов на фронте участвовало в войне, многие разъезжали по округам, в целях пропаганды и мобилизации бойцов против белого врага. На последнем заседании парламента подавляющее большинство голосовало против предложения «последнего председателя правительства» ликвидировать парламент и правительство, что зафиксировано и в приводимом «историком» протоколе последнего заседания.

Исторически также неверно будто «в конце марта из за разногласий из кабинета Коцева ушли несколько членов. Пополнить кабинет было поручено тому же Коцеву. Но ни один деятель из группы сторонников независимости не пожелал войти в его кабинет».

В ночь на 24 марта Коцев возвратился с фронта, где пробыл полтора месяца. Ознакомившись с настроениями парламента и членов правительства, кабинет в полном составе подал в отставку. Во время переговоров с представителями фракций Коцев назвал на пост председателя правительства имя одного бывшего члена правительства, назывались и другие кандидаты. Однако парламент единогласно выразил Коцеву доверие и поручил ему составить (не пополнить) новый кабинет, который и был составлен в несколько часов. Причем «ни один деятель из группы сторонников независимости» ему в своем сотрудничестве не отказал. Так было исторически.

Другой «исторический документ», которым оперирует аноним - историк это — протокол «Последнего заседания совета (парламента) Республики 23 мая 1919 г.». Это — вольный пересказ официального протокола, не вполне совпадающий с подлинным протоколом. Если уж есть большая охота прицепить этот протокол к какой либо персоне, то он относится больше к «последнему председателю правительства» и другим лицам, а не ко мне.

Козырным тузом в серии «исторических документов», избобличающих меня, является письмо Абубекира Плиева в редакцию грузинской меньшевистской газеты «Эртоба».

«С какой торжественностью и с какой покорностью отправился Коцев в сопровождении оркестра добровольцев в Екатеринодар. Это тот самый Коцев, которому горцы трижды выражали свое доверие», — писал А. Плиев. Кажется, никто и никогда так не сожалел потом о написанном, как сам автор этих слов — искренний патриот и горячая голова, спровоцированный более искушенными «видными деятелями».

Не торжествами и оркестром музыки обласкали меня добровольцы за «службу» им, а арестом и одиночным заключением.

13 июня 1919 года я был арестован властями доброармии и заключен в г. Пятигорске, охраняемый в единственном числе остатками того «офицерского батальона», который был разгромлен нами 16-17 марта под Алхал-Юртом.

В последующие дни после моего ареста во всех белых газетах появились сведения об этом. Некоторые органы делали юридический анализ моих деяний и квалифицировали меня, как изменника единой, неделимой России, газета «Новое Время» называла мое правитель-

ство «правительством Зелимханов» и требовала моей головы.

В это время А. Плиев писал письмо в редакцию меньшевицкой «Эртоба», последняя его печатала, другие «видные деятели С. Кавказа» давали в Закавказских газетах интервью, инспирировали сообщения о «предательстве» и проч., «материал», который теперь анонимисторик из «Брдз. Хма» угодно выдавать за «исторические документы», очевидно, «в соответствии с его сегодняшними потребностями».

Свои «исторические изыскания» аноним заканчивает следующим:

«Такова история. Если это не правда; если г. Коцев укажет на источники, из которых видно, что эти факты были опровергнуты и история падения Горской Республики рассказана иначе — мы первые обрадуемся этому и эту радость заявим публично».

Что «история не такова», ясно из вышеуказанных фактов. Но в то же время у меня нет никаких мотивов огорчать анонима из «Брдз. Хма», и с удовлетворением готов его обрадовать, раз представляется счастливый случай. Возмущение выступлением А. Плиева, в силу вопиющей лживости, было так сильно и всеобще, что номер газеты с письмом А. Плиева (помнится газета «Борьба» на русском языке) мои друзья-ингуши доставили мне в место моего заключения.

В начале августа 1919 года я ответил А. Плиеву и всем «инициалам» и «видным деятелям С. Кавказа», подвизавшимся в разных закавказских газетах, обстоятельным письмом в доступной мне, в тогдaшнем моем положе-

нии заключенного, газете «Пятигорское Эхо». Через своих друзей-ингушей копию своего ответа-письма я отправил в редакцию тифлисской «Борьбы». Было ли оно напечатано — мне не известно.

Мой ответ памятен многим землякам, находящимся в эмигрантском рассеянии, в том числе находящимся и в Париже. Памятен мой ответ и почтенному ген. С-б. Мальсагову, которого А. Плиев совершенно зря оклеветал; ген. проживает в Польше.

Что же касается — «рассказана ли история падения Горской Республики иначе», надеюсь, что аноним из почтен. «Брдз. Хма» согласится со мной, что «исторические рассказы», основанные на однобоко и предвзято подобранных газетных легендах, не будут историей, и что в будущем нелицеприятный историк, путем объективного, спокойного исследования, в свете событий тех времен, всех исторических фактов и документальных данных, изучит всю ту сложную, многогранную историческую обстановку, которая привела к падению не одну Респуб. С. Кавказа, а — в сожалению — все Кавказские Республики и Грузию в том числе, и даст действительную (а не газетную) историю жизни и борьбы народов Кавказа.

Дело же современников — осознать всю тяжесть ответственности за прошлые и будущие судьбы родины, и дать своим умственным силам и энергии лучшее применение, чем дискуссия по мотивам личного характера.

От всякой дальнейшей полемики, по вопросам личного свойства, я отказываюсь.

П. Коцев.

Райский цветник

О Гюлистан-Ираме, истории Ширвана и Дагестана (до 1813 г.), написанной по персидски Абас-Кули-агою Бакихановым (1794-1846) и им же переведенной на русский язык, давно было известно. Однако, доступной читателям она стала преимущественно с 1926 г., когда появилась в русской редакции в Трудах Общества обследования и изучения Азербайджана, вместе с краткой биографией автора. В книге много сообщено интересного, особенно о независимых или полунезависимых ханствах восточного Кавказа в ХУИ и ХУИИ стол. Однако, еще интереснее сам автор, сын одного из последних ханов Бакиханских и двоюродный брат последнего из них — того Гусейн-Кули-хана, при свидании с которым был в 1806 году убит около Баку кн. П. Цицианов.

Поступив на государственную службу при Ермолове, Бакиханов, конечно, был очень полезен русской власти, благодаря своим связям и знанию восточных языков. Он состоял при Паскевиче во время турецкой и персидской войны 1828-9 г.г.; был и при заключении мира с Персией в Туркманчае. Однако, больше всего он любил, повидимому, кабинетные занятия, науку и литературу. Какую, однако, науку и какую литературу? Он прошел строгую школу арабской богословской и персидской литературной выучки; в то же время, при посредстве русского языка, усвоил начала европейской образованности. Это дало ему возможность в истории, уже упомянутой и озаглавленной Райский цветник, — в память сада, так именовавшегося, на месте, где позже был построен город Куба — пользоваться не только восточными хрониками, но и трудами, напр.,

Голикова и Устрялова о Петре I. Был он в состоянии писать и об открытии Нового Света, и об астрономии, с принятием во внимание Коперника, и о многом другом.

Все же Восток преобладал в нем над Западом, и остроконечная баранья шапка, чуха, ему больше к лицу, чем эполеты и знаки военных отличий, так тщательно выписанные на его портрете.

Как детство его протекло, в обстановке, ничуть не предвещавшей в будущем цитат из Устрялова, так и преждевременная смерть в 1846 г. ничем не напоминает о службе египри Паскевиче: умер он и похоронен где то между Меккой и Мединой.

К какой нации отнести Бакиханова? Ответить на это не так просто, как кажется. Сам себе он этого вопроса, наверное, не задавал. Главным его литературным языком был персидский (его персидская грамматика, им же переведенная на русский язык, была напечатана в Тифлисе); однако, писал он и по арабски, и по турецки — притом, и в прозе, и в стихах.

Предки его были родом из Табасарана. Отсюда, конечно, его особый интерес к Дагестану, оживленный, вероятно, и связью его семьи с Кубой, важной точкой смыкания Дагестана с Азербайджаном. Однако, культурная и политическая традиция его рода должна была быть скорее персидской, с теми, конечно, ограничениями и послаблениями, которые определялись особым складом ханств восточного Кавказа.

В истории Бакиханова не видно ни политических пристрастий, ни какой либо тенден-

ции. Нет там и тени патриотизма, потому что нет сознания принадлежности к особой нации, как нет и сознания того, что такая принадлежность неизбежна и к чему то обязывает. Его оценки объективны и имеют в виду общечеловеческое мерило ценностей. Он отдает должное достоинствам правителей, будь то Шах-Аббас I или Петр I, их дарованиям и добродетелям, как справедливость, мужество и т. д., отзываясь неодобрительно о качествах обратных. Свидетель занятия Россией близких ему ханств, он повествует об этом безпристрастно и беспристрастно, без особых суждений, без намека на какие нибудь переживания.

В общем, это умоначертание сродни той отрешенности от политики и народности, с которою до возникновения национальных государств в Европе, образованные люди писали на латинском языке о многих интересных вещах, без особого внимания к стремлениям неотесанных масс с их «вульгарными» простонародными языками.

Было, конечно, в этой ныне уже исчезнувшей культуре, вместе с изысканностью, и нечто оравжерейное, искусственное, немногим доступное. Образование народное, очевидно, не могло быть построено на таких основаниях, на этом многоязычии и космополитизме.

За сто лет все круто изменилось и не один раз; но именно такие фигуры прошлого, как Бакиханов, помогают измерять пройденное пространство. Почвенность и чувство реальности сделали его историком одновременно Ширвана и Дагестана, Персию, Турцию, Россию он принимал за величия данные. О том, таково, в конце концов, их значение в судьбах его родины, он не имел основания задумываться, потому что, как уже сказано, вопроса национального для него не существовало. После длительного прозябания он был повелительно выдвинут вперед всем ходом истории,

разнообразными действиями и противодействиями ее факторов в Российской Империи, как Кавказе, в Передней Азии. С все большей точностью, с все большим приближением к конечному решению, перед позднейшими поколениями ставится вопрос: что же собственно «азербейджанские татары», по старой официальной терминологии, — турки восточного Кавказа? Речь, в данном случае, о национальном самосознании или самоопределении в самом общем смысле слова, независимо от политической подчиненности, калприза истории.

Принадлежность к мусульманскому Востоку, с его тремя основными культурными языками, не вызвала сомнений, но из этой несколько туманной исходной точки надо было идти к более отчетливым позициям. Как известно, в соответствии с данными этническими, а еще больше — языковыми, прочно сложилось и окрепло в наши дни тюркское национальное сознание азербейджанцев; не без столкновения от Ирана, не без уклона в сторону Турции; факт имевший и имеющий не одно лишь местное, кавказское, но и более широкое международно-политическое значение.

Коренная перемена произошла, однако, не только со времен Бакиханова, но и со дней, которых мы были свидетелями, в 1918 г. и позже.

Не говоря уже о распространении советских порядков на Кавказские республики, и о том, что Турция перестала быть оттоманской, став зато более турецкой, чем раньше, но и Персия, почти что пустое место во время Великой войны, выбрасывается на путь обновления. Неожиданно, дело старой национальной династии, Сефевидов, находит продолжателей. Иран — таково новое (не очень уж новое!) официальное наименование страны, которую собирались хоронить заживо — призван, быть может, окончательно соединить в прочное

национальное целое, в одну подлинную нацию, и чисто «персидские», и сильные тюркские элементы своего населения.

Возрождение Персии, как обновленного современного Ирана отразится, прежде всего, на судьбе персидского Азербейджана с главным его центром, Тавризом; отразится, притом, в направлении, противоположном ожиданиям тех, кто придавали больше значения тюркскому характеру персидского Азербейджана, нежели его связи с остальной Персией, и ставили на этом основании, некоторые политические прогнозы.

Во время Парижской конференции 1919 года, старая Персия выродившихся Каджаров, в одном из меморандумов ставила вопрос о возвращении ей кавказских провинций, отнятых Россией в XIX столетии. Со стороны государства, на чьей территории иностранные державы выкраивали сферы влияния (Россия, Англия!), это был жест платонический, понятый как один из (довольно многочисленных) курсов тех дней.

Новый Иран не собирается восстанавливать Империи Шах-Аббаса. Довольно и того, что его нынешние границы кажутся отныне поли-

тически заполненными, не образуя пустоты, т. е. незащищенных пространств, столь опасных в политике.

...Словом, кавказско-персидской границе 1828 г., как и границе персидско-турецкой, предстоит быть национальным рубежом еще более прочным и определенным, чем это было до сих пор; и быть кавказскому Азербейджану кавказским, а персидскому — иранским.

Персия Реза Пехлеви, чего доброго, может нашему Азербейджану найти надлежащую середину или равнодействующую между тысячелетней культурной традицией, связывавшей его с Ираном, и тем голосом крови, который ставит его в ряд народов тюркской группы. Равнодействующая эта, нет сомнения, указывает ему его подлинное и собственное место — на Кавказе, среди кавказских народов. «Кавказский» и «тюркский» — вот два принципа его национального бытия. Удастся ли когда нибудь кавказским народам, общими усилиями, насадить у себя «Райский цветник», зависит во многом от них. За климатом и природой дело не станет. Однако, «Райский цветник!» Слишком сильно сказано.

З. Авалишвили...

Copyright by Chevket Koundoukh and «Caucase».

Мемуары ген. Муса Паши Кундухова

ГЛАВА ТРЕТЬЯ*)

Назначение главнокомандующим графа Воронцова. — Царинский старшина Бехо. — Последствия Даргинского похода. — Приход Шамиля в Большую Кабарду. — Приезд князя Воронцова во Владикавказ. — Возстание в гор. Кркове. — Переговоры с Шамилем.

В 1845 году последовало назначение па-местником и главнокомандующим генерала графа Воронцова, одного из лучших русских генералов, пользовавшегося в России и Европе популярностью.

В этом же году пошел он с двадцатипяти тысячным отрядом через Андю в Дарго (резиденция Шамиля) с полной уверенностью окончить войну в один поход.

Экспедиция эта до того была несчастна для русского оружия, что вышло наоборот. Шамиль, хотя не сумел вполне воспользоваться оплошностью русских, но все таки остался победителем и много возвысился*), а Воронцов при всех своих отличных дарованиях, потерял много, не только в глазах горцев, но даже в войсках, где бывало говорили: «Воронцова легче бить, чем кого либо другого».

Так как я не был участником Даргинского похода, то окончу о нем говорить тою истинною, что русский главнокомандующий и наследный принц Александр Гессенский были бы у Шамиля военнопленными, если бы он, дей-

ствуя решительнее неотступно преследовал разбитого бегущего противника**).

Во время проезда Воронцова в Даргинский поход через Владикавказ я был представлен ему Нестеровым, с весьма похвальной стороны. Но главнокомандующий, не знаю по чьей рекомендации, знал о небывалой переписке моей с Шамилем и потому, несмотря ни на отзыв ближайшего моего начальства, ни на личные мои заслуги***), обласкал меня гораздо менее, чем менее меня достойных!

Поняв в чем дело я отправился к себе на квартиру, где застал знакомых гостей, состоявших в главном штабе. В числе их был полковник Альбранд, назначенный походным дежурным штаб-офицером. С ним я сделал два похода в Дагестан и в Абхазию. Из любви ко мне он советовал мне подать докладную записку о

**) Вообще о бывших военных действиях я ничего не пишу. История их не забудет. М. К.

***) В 1836 году в марте месяце я вышел из Павловского кадетского корпуса, а в 1841 году, т. е. по истечении четырех лет я был ротмистром, имея ордена Анны 3-й степени, Владимира 4-й степ. с бантами и Станислава 2-й степени на шее. М. К.

*) См. «Кавказ» ном. 1/25 и 2/26.

*) Все непокорные горцы в том же году признали сына его Кази Магомета после смерти Шамиля наследником.

дозволения мне отправиться в Даргинский поход. Этот поход он и все его товарищи называли последним враждебным походом русских в Дагестан. Убедив Альбранда, что еще много походов придется нам делать с новым главнокомандующим, а за себя предложив ему младшего брата моего корнета Индрыса и родного дядю поручика Габиса Дударова, отказался от его предложения.

В тот же день явился к графу Воронцову из Нагорной Чечни царинский старшина Бехо с изъявлением, с целым обществом, покорности правительству.

Главнокомандующий до того был обрадован приобретением царинского общества, что считал это верным шагом к скорому покорению всего Дагестана. В этой уверенности наградив Бехо и его товарищей ценными подарками, поручил Нестерову причислить их общество к Владикавказскому округу, о чем доложил и Государю Императору.

Старшина Бехо был одним из людей, у которых нет ничего священного. Он несколько раз изменял Шамилю и русским, пользовался выгодными случаями и переходя от одного к другим. А в 1830 году, пригласив к себе троих из лучших тагаурских алдар, изменническим образом убил их всех. С того времени, боясь мщения, до приезда Воронцова не смел никогда показываться в наши края. Теперь, считая себя под покровительством главнокомандующего, подняв высоко голову, отказался не только от разбирательства по существовавшему народному обычаю, но даже не хотел избегать встречи с наследниками убитых алдар, которые, зная всем горцам объявленные статьи закона*), сами избегали встречи с ним.

Видя наглость Бехо и слабость моих даль-

них родственников, я дал себе обет при встрече с Бехо употребить против него свое оружие. Не стараясь особенно отыскивать к тому случая, раз, в четыре часа пополудни, выходя от начальника округа, как раз у ворот крепости наткнулся на него. Он, со свитою в числе семи человек, шел также к начальнику округа. Тут выстрелом из пистолета своего исполнил данный мною обет и Бехо был убит (в чем раскаиваюсь). Из свиты его сделали также по мне два выстрела; они меня миновали и убили лошадь под одним из при мне находившихся.

Тот же час в крепости ударили тревогу и если бы войска скоро не подоспели, то между сородичами Бехо и тагаурцами неминуемо была бы кровавая схватка. (Слава Богу, что ее не было).

Затем, в скорости я был потребован к начальнику округа, которому объяснил истину, побудившую меня решиться на то, что уже случилось, а также готовность свою выдержать безропотно должное за это наказание.

Благородный Нестеров, хорошо зная фальшивое обо мне мнение главнокомандующего и силу статей закона, даже при мне не мог скрыть своего опасения, говоря: «справо, не знаю, как написать теперь главнокомандующему и как убедить его, что в убийстве царинского старшины, кроме кровной мести, ничего не скрывается». При этом он изъявил искреннее свое сожаление и приказал мне отправиться под арест в главную гауптвахту.

Спустя пять суток, собрались тагаурские алдары и объявили Нестерову, что арестом моим за убийство Бехо, который должен народу еще две крови, они сильно оскорблены.

Нестеров, имея это предлогом, приказал тотчас же меня освободить из под ареста, а главнокомандующему донес в том смысле, что это дело для спокойствия края необходимо

*) Судить уголовным судом убийц, прибывающих к нам с покорностью.

предоставить народному обычаю. На что последовало согласие главнокомандующего и тем кончилась вражда между тагаурцами и царьцами.

Воронцов из несчастного Даргинского похода или лучше сказать, из ужасного своего поражения извлек огромную пользу. Он, убедясь, что все меры и средства, которые правительство употребляло на Кавказе, служили лишь средством начальству его достигать чинов, орденов и ложной славы, изменил решительно образ войны и управления на Кавказе, где до того всякий новый начальник творил свои законы и систему войны по произволу.

Поэтому горцы, вследствие безирерывных противоречий начальства, не верили и благим намерениям кн. Воронцова. Вследствие этого, после Даргинского похода многие из влиятельных лиц в Кабарде и в Тагауре начали переговариваться с Шамилем и приглашая его к себе, готовили народ ко всеобщему возстанию. Между ними некоторые из моих родственников и хороших знакомых обратились ко мне, чтобы вместе с ними готовить народ к возстанию. Хотя я от всей души желал им полного успеха, но хорошо зная Кабарду, Тагауры и Дигоры, где многие из высшего сословия не отказались от надежды на возможность добиться справедливого отношения от русских и тщетно утешали себя ложными обещаниями начальства, был уверен, что общее возстание не могло состояться, а потому советовал им отложить это до другого, более удобного, случая и совокупно настоятельно просить царского наместника об утверждении за ними личных и поземельных прав.

При таких обстоятельствах не желая оставаться на Кавказе, я имел случай воспользоваться командировкою в город Варшаву, для отъезда туда чинов конно-герского полка, состоявшего при действующей армии.

В следующем 1846 году Шамиль с десяти-тысячным ополчением прибыл в Большую Кабарду, где, как я предвидел, одни из князей со своими подвластными пристажи к Шамилю, другие остались на стороне русских. Шамиль же, действуя нерешительно, стал недалеко от русской крепости Пальчика, которая будучи в центре Кабарды с очень слабым гарнизоном, легко могла бы быть взята, если бы Шамиль согласился на просьбу кабардинцев и своих набобов*), штурмовать ее и ожидая там десять дней в бездействии общего кабардинского возстания, был окружен со всех сторон русскими войсками, от которых, с помощью кабардинцев, почью хитро скрыв свое движение, успел близ русского отряда благополучно переправиться через Терек и невредимым возвратиться в Чечню со всем ополчением. Чем сильно сконфузил всех бывших против него начальников русских отрядов.

Из этого движения Шамиль приобрел то, что из числа кабардинцев Магомет Мирза Анзоров, Магомет Кудинетов с несколькими почетными узденями и из Тагаурских алдар Увжукко Дударов ушли в Чечню, где с большою пользою служили Шамилю в звании набобов.

Тем кончилось нашествие Шамиля на Кабарду и стремление некоторых кабардинских и тагаурских почетных людей, желавших доброго, но по разногласию влиятельных людей невозможного дела соединения Дагестана с Закубанью*).

*) Здесь храбрый набоб Ахвердия Магомет сказал Шамилю: «Если мы будем бояться потери в людях, то нам надо оставить войну и покориться гяуру. М. К.

*) Почти все влиятельные люди очень желали. Но желание их походило на желание труса, который желает быть храбрым, да боится быть убитым. М. К.

На другой день после ухода Шамиля из Кабарды, прибыл во Владикавказ князь Воронцов, который к общему удивлению и сверх всякого ожидания горцев и русских ни одного из приставших к Шамилю кабардинцев и тагаурцев не наказал, а многих, не принявших сторону Шамиля награбил, чем совершенно успокоил и убедил горцев в готовности своей искать случая награждать, а не наказывать. Такою системою князь Воронцов управлял краем и команду войсками положил верную основу к скорому покорению Кавказа. За что в городе Тифлисе поставлен ему достойный памятник.

Хотя и после него бывший главнокомандующим и наместником князь Барятинский поддерживал систему управления Воронцова, но несмотря на счастливые его походы против горцев и взятие Шамиля в плен, он не может быть сравнен с князем Воронцовым.

Во время беглости Шамиля в Кабарде, я, как выше сказано, был в городе Варшаве, где, сдав вверенную мне команду, собирался возвращаться на Кавказ.

В один день, чуть-свет, вошел ко мне начальник иррегулярной бригады генерал-майор князь Бебутов и, застав меня в постели, сказал: — В гор. Кракове полное возстание и все поляки Царства Польского с ними за одно в заговоре и потому мне приказано сегодня же выступить в Краков со всею моею храброй бригадою. Надеюсь, что и храбрый ротмистр Муса бек сделает мне удовольствие и пожелает принять начальство над ковно-горским дивизионом и отправиться с нами. С большим удовольствием я согласился на предложение кн. Бебутова и в тот же день выступил с дивизионом в поход.

Приближаясь к гор. Кракову мы встретили городских депутатов, которые на вопрос Бебутова, что делается в городе, ответили, что

мятежники, узнав о приближении русских войск, чуть свет оставили город и отправились к прусской границе.

Кн. Бебутов отправил делегатов этих к генералу Понютину, следовавшему за нами со своею дивизией, а сам подъехав с бригадою к воротам города, ожидал приказанья генерала Понютина. В скором времени вернулись и депутаты, с которыми бригада наша вошла в Краков, где жители встретили нас с поддельной радостью.

На другой день мы и донской казачий полк, под командой полковника князя Барятинского (который в 1856 году был на Кавказе царским наместником и главнокомандующим войсками) напрасно преследовали до самой прусской границы мятежников. Они четырьмя часами раньше перешли ее и, сложив там оружие, отправились далее. Тем кончился наш быстрый поход.

Когда я вернулся из Варшавы на Кавказ, кн. Воронцов, а в особенности супруга его, начали ко мне благоволять. Князь, вследствие рекомендации бывшего во время командования краем ген. Головина начальником его штаба генерала Коцебу, в том же году вторично назначенного начальником Главного Кавказского Штаба, а княгиня, по рекомендации товарища моего, ротмистра Султан Адиль-Гирея, бывшего адъютантом главнокомандующего. Таким образом, оставаясь при генерале Нестерове, я пользовался хорошим расположением и доверием главнокомандующего.

В 1848 году главнокомандующий поручил мне склонить Шамиля к переговорам о заключении мира через посредство знакомых мне его набобов: кабардинца Магомета Мирзы и родственника моего Дударова, бывших у Шамиля и у горцев в большом почете.

Переговоры мои сначала шли очень удачно, но к сожалению под конец они не состоя-

лись. Шамиль требовал независимости от русских всех горцев, бывших тогда под его властью, на что князь согласился, исключая из этого числа Малую Чечню.

К несчастью в то самое время, при набегах около гор. Кизляра, небольшой чеченской партией был взят в плен один отставной русский майор, которого, не знаю за что, Шамиль приказал расстрелять. Поступок этот до того разсердил князя Воронцова, что узнав о нем, князь прекратил с ним всякие переговоры.

Во время переговоров этих я вывез из Чечни сильно трогательное впечатление. Что день, что час во всех аулах злополучные жители ожидали с оружием в руках нападения врага, действовавшего против них огнем и

мечем. Мужчины, удалив страх смерти, успевали себя в мечетях молитвой, ободрявшей их к твердому сопротивлению.

Народные песни заменили следующей:

«Нет Бога, кроме единого Бога. О, Боже! мы не имеем никого, к кому мы могли бы обратиться за помощью, никого, кому могли бы поверить. На Тебя только уповаем. Тебя только умоляем: избавь нас от тирана (зулум)».

Песни эта в салях и на улицах была постоянно на устах обоюбого пола. Слыша ее из уст детей, только что начавших говорить, и сознавая в ней истину, сердце изливалося кровью.

Муса Кундухов.

(Продолжение следует)

На рубеже будущего*)

В продолжение всех этих истекших лет эмиграции, мы неизменно служили единой цели: делу освобождения нашей родины от Врага, с которым ни на минуту не прерывали борьбу.

Борьбу эту мы ведем вместе со всеми не русскими народами советского союза, которые составляют в общей сложности добрую половину его населения. Они упорно отстаивают свои права на жизнь и свободу против другой половины разноязычных властью поработителей, стремящихся сохранить свое государственное господство.

Эта гигантская борьба обильна жертвами, материальными и духовными, и неограничивается одной территорией советского союза, но часто переносится и за его пределы.

С того времени, как красная Россия, под флагом коммунизма, претендует на мировое господство — она во многих случаях сумела использовать и внешние силы, но этого никак нельзя сказать про то не-русское население, которое борется за право и справедливость: помощи извне оно ни от кого не получало.

Каждый год вносит в эту борьбу что-нибудь новое, характерное, которое в той или иной мере отражается на методах борьбы: она то вспыхивает ярким пламенем, то отдает сильным подземным гулом.

Ушедший год в этом отношении оказался заслуживающим серьезного внимания, и, по всем признакам, наступающий будет еще не решающим, то во всяком случае не меньшим по значению годом.

*) Настоящая статья была помещена в январском номере (№ 19) «Кавк».

В борьбе с националистическими движениями Москва заключила первый этап — этап революционный, который так сильно содействовал ей в захвате власти над не-русским населением бывшей царской империи.

Эти старые революционные лозунги сейчас оказываются невригодными.

А ведь в свое время именно эти лозунги и «красная атмосфера» сослужили Москве несомненно большую службу, чем тогдашняя красная армия.

Они же главным образом помогли Москве выиграть гражданскую войну, а равно в чрезвычайной степени облегчили распрощание московского господства над не-русскими народами, создавшими свою государственную независимость в результате крушения царской России.

В этих новых государствах у власти оказались левые элементы, которые, только благодаря сложившейся конъюнктуре, благодаря «красной атмосфере» и революционным лозунгам, могли очутиться у государственного руля.

В то время перед национально-мыслящими силами стал вопрос ребром: предоставить управление государством левым партиям и тем удержать этот неустойчивый элемент от тяги в лагерь большевиков или же — бросить их в объятия друг друга, что делало борьбу за национальную свободу более сложной и трудной.

Ход событий вскоре ясно доказал ошибочность предоставления власти левым.

Левые черпали свою мудрость из колоды русской революции и действовали по ее инструкциям. Даже больше: они как бы соревновались с большевиками в области некоторых видов творчества, но только в одном отношении не последовали примеру Москвы: в создании армии. Их видно пугало то обстоятельство,

что армия везде служит национальному делу и имеет национальный облик.

Положение осложняло также русское добровольческое (белое) движение. Его руководители с девизом «Великой Неделимой Россия», не могли списать ни в ком сочувствия, а в острых национальных вопросах оно проявило полное непонимание момента и обстановки.

Всем памятна знаменательная жертва такой политики — это казнь члена Кубанской Краевой Рады А. Кулабухова.

Нет, борющимся за свою независимость народам было не по пути с Денигиным.

В судьбе вновь образовавшихся государств большую роль сыграла раздутая до необычайных размеров чисто русская болтовня о всеобщем равенстве и братстве и устройстве рая внутри страны. В то время на массу все это оказывало свое действие; чем и объясняется, что некоторые независимые государственные образования так легко захватывались Москвой.

Что же выявила действительность?

Под флагом коммунизма шествовал самый реакционный в мире русский национализм.

Шло поголовное выравнивание по русским образцам не-русских национальностей Советского Союза, — при этом в самой страшной и небывалой в истории народов форме. Попирались обычаи, традиции, культурные и материальные ценности народов, имеющих несчастье быть насильственно включенными в Советский Союз. Отнималась частная и народная собственность, разстреливалась и изгонялась интеллигенция, как носительница народной культуры, и единственной основой человеческого бытия и мышления был объявлен марксизм, в самых уродливых формах, совершенно чуждый населению.

Обратив всех в пролетариев, Москва становится единственным крупным капиталистом

огромнейшей и богатейшей в мире территории. При помощи «пятiletок» создан новый, еще невиданный государственный централизм.

Свергли Бога и разбили алтарь, порвали Евангелие и Коран и вместо них всучили народам дешовое издание марксизма — ленинизм.

Но уступая материальные блага, поработанные народы не утратили своего национального облика. Духовные национальные ценности оказались благами не поддающимися ни уступкам, ни уклонам. В этой сфере и вспыхнула первая борьба; в этой сфере подверглась сожжению революционная идеология, с ее коммунизмом и социализмом. В этой сфере должна была Москва пойти на уступки, дать первый компромисс в формуле: «Форма национальная, содержание пролетарское».

Но у народов, у национальностей культура оказалась только национальной. Первое поражение Москве было нанесено именно здесь. Вся энергия угнетенных народов ушла в национальное прошлое, в его изучение, в воскрешение былых идеалов для целей будущего.

Московско-революционное миропонимание затмилось, сошло со сцены понятий и восприятий народов. Из национального прошлого берутся отвечающие духу времени мотивы и используются именно для борьбы с Москвой. Не стесняются уже тем, что мотивы эти и их носители не пролетарские и непролетарского происхождения, — борьба идет уже не во имя коммунизма и социальной революции.

В сегодняшних настроениях угнетенных народов там царят герои национальной мысли и национального действия; они определяют и направляют борьбу и жизнь. В творениях русских и не-русских писателей там характерная разница: русский писатель если и проявляет желание клеймить советскую власть — подход у него общего социально-человеческого

характера; у писателя же не-русского, будь он кавказец, украинец или кто иной — подход национальный. Последний более конкретен и понятен. В нем сила действительного увлечения, двигательный нерв к борьбе. Сумерки интернационально-революционного умопомрачения рассеялись, и национальные мотивы вторгаются в самые, казалось бы, недоступные цитадели мирового столпотворения.

В гуще самой коммунистической партии растет оппозиция на почве протеста против «великодержавности» русских «товарищей» и в лице местного «уклонизма» в партии крепнет противодействие, самое серьезное из всех существовавших.

Прошедший год показал Москве ясно, что борьбу на внутреннем фронте — на фронте угнетения национальностей — старыми путями, революцией и коммунизмом, вести нельзя, что она проиграна. Нужен был новый путь.

Этот путь уже найден — путь реакции. И прошлый год — полный перелом в этом смысле.

Шествие без красных знамен и интернационала во внешней официальной политике, — договоры, построенные на махинациях военных соглашений, пересмотр конституций — основных укладов советского политического строя, восстановление чинов и военной иерархии, поправки к уклону в вопросах собственности, сдельная плата и многое другое — явления стопроцентной реакции к тому, что было.

Что значит и что сулит нам этот перелом, эта смена курса, нам — не-русским народам?

Москва меняет путь, методы действия, но цели по отношению к нам остаются те же.

В продолжение десятка полтора лет Россия Ленина месила нас во имя революции и ленинизма в русское месиво, русское тесто... Не домесила, — вещества оказались не соединяющимися: не обрусели мы.

Теперь тоже самое стремится сделать она реакцией. Этот новый ход еще в начале прошлого года осени был большим яростным знаменем неверующих, большим аяшлагом ударного стиля: Россия провозглашена международными коммунистами отечеством, и провозглашение сие поставлено под охрану юридической санкции, карающей за измену смертной казнью.

Но для 70 миллионов Россия не отечество. У каждого из этих народов есть свое собственное отечество, веками слившееся с гнетом самого народа, много древнее, чем Россия и русский народ, отечество, не отнятое у других, свободное от проклятия «завоеванных». Есть отечество у нас и есть сознание долга — перед ним. Быть ему преданным — значит быть врагом России и это будет так — пока Россия угнетает, а мы — угнетаемые.

Так начата новая эра, новый курс! 70 миллионов объявлены вне закона, врагами этого закона.

Есть еще другой вопрос. Кто и как будет проводить в жизнь этот новый курс? Москва ли из центра или местные силы «союзных соц. республик»? Никаких намеков на последнюю возможность... Ибо первым и единственным показателем к тому должен был бы быть уход русских оккупационных войск всех видов, назначений и оружия из не русских, «союзных», земель. Этого нет. Видим и наблюдаем совершенно другое. Новый путь создан в Москве и принят он на пленуме Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии в декабре прошлого года. Этот орган является единственным органом власти на всей территории СССР, носит имя всероссийского органа и реально осуществляет эту самую всероссийскую политику, и в сущности являясь органом антиконституционным и противозаконным, т. к. советская конституция построена на началах

свободного (вплоть до права выхода) союза республик.

Вот этим незаконным учреждением спроектирован и проведен новый курс. В январе этого года доведен он до сведения мира и советских обитателей постановлением Центрального Исполнительного Комитета. Москва использовала «союзный» орган для оправдания во вне и для легализации внутри своей новой политики.

Кто внимательно следил за тем, что происходило на заседаниях советской союзной палаты, — должен согласиться с нами в одном: сессия прошла под страхом национальных движений и национальной идеи. 80 проц. речей были посвящены поношению этих движений и идей внутри и вне союза и раскрытию их мировой опасности.

Откуда же такой страх у всех этих Молотовых? Действительно ли из вне почерпнуты эти страхи?

Итальянский фашизм первый признал СССР и в продолжение годов находится в нормальных с Москвою сношениях, — в противовес коминтерну не создано никакой активной мировой организации...

Откуда же эти страхи? Идут они, конечно, изнутри. Национальные движения и национальные проблемы опрокинули вверх дном революционную затею Москвы, это они сорвали маску с мирового мессионизма. Что же будет — если тоже самое случится и во вне, т. е. мир, этот угнетенный мир, узрит настоящий облик «спасителя» и почувствует его настоящие замыслы? Что же останется тогда от этого мирового революционного миража? Астрономические цифры всяких барышей, пирамиды бухгалтерских книг и учреждений в проектах в кирпичках и народ — без рубашки, — великонец, за народ, который, при миллиардных чайный ребус для любителей: что же это, на-

доходах и миллиардных ассигнованиях на дела военные, искал 25 милл. крон займа у своих новых союзников, у чехов?

Это страх перед силой национальных движений внутри, который доводит Москву до отчаяния и лихорадочно заставляет искать выхода.

Все — внутри и во вне — строится, равняется под войну: вступление, без оглядки, в Лигу Наций, военные союзы, создание единого фронта против фашизма, и одновременно усиление работы коммунистических отрядов в тылу буржуазных государств. В порыве отчаянного страха потеряв голову, Москва даже не скрывает своего тождества с коминтерном: в том же самом «союзном парламенте» товарищ Лозовский выступал уже от имени этого коминтерна.

Знает Москва, что значит рост национальных движений! Это значит крушение коммунизма без войны и без мировых сотрясений; это значит еще потеря тех хорошо вымуштрованных отрядов, тех коммунистических ячеек, которые созданы везде для «действия в спину» и представляют главную акцию Москвы в ее мировых планах; это значит еще — потеря

или ослабление мировых связей и возможности больших политических махинаций, т. е. всего того, чем еще Москва дышит, чем она живет.

Удержать же это можно только войной. И Москва найдет ассигнуемые «парламентом» миллиарды, найдет еще больше, ибо снимет и рубашку, и самую кожу с населения, чтобы только создать войну, и как можно скорее!

А что, в свою очередь, значит этот новый грабёж истерзанного населения? Не трудно себе представить население и разгул тирании при новом напряжении народных сил!

Таковы итоги прошедшего года и под их знаком вступаем мы в новый: Россия закончила первый колоссальный этап кровавой авантюры; Россия готовится ко второму, в большем масштабе, с еще большей жадной кривизной.

На заре нового кровавого кошмара — мы и все, нашу долю разделяющие 70 миллионов не-русских — предъявляем наш счет, по которому будет заплачено.

Когонгломерат, наз. СССР, должен распаться! Нам с Москвой не по пути!

Шалва Карумидзе.

В единении наша победа

(ОКОНЧАНИЕ*)

Не так скоро и легко далась большевикам победа в национальных областях. Здесь они ощутились перед фактом организованных национальных движений. Это обстоятельство требовало особой тактики. Одних только социаль-

ных лозунгов здесь было уже недостаточно. Поэтому, вторгаясь в отдельные национальные области, большевики на своих знаменах несли право каждой нации на «самоопределение, вплоть до отделения», от Москвы. Это был

лишь тактический прием, с целью сохранить единство русского государства. Как показали дальнейшие события, большевики никогда серьезно и не думали о предоставлении каждой нации реального права и возможности отделиться от Москвы. Они остались верны задачам и традициям русского империализма! И в последующей большевицкой практике в национальных областях право наций на самоопределение свелось лишь к учреждению quasi-самостоятельных национальных советских республик, где господствующую роль должны были играть и играли впоследствии все время националистически настроенные русские элементы.

Освобожденные февральской революцией все нации встретили замаскированных красных завоевателей с оружием в руках. Начались жестокие и продолжительные оборонительные национальные войны против русских коммунистических орд. В то время, когда покорение большей части Великороссии потребовало всего лишь нескольких месяцев, завоевание национальных областей затянулось на несколько лет.

Застигнутые врасплох коммунистическим переворотом, наступившим спустя всего лишь месяц после упомянутого конгресса, национальные области не успели сорганизовать объединенного боевого фронта, чтобы общими силами встретить общего врага, и потому были по одиночке разбиты и заняты коммунистическими войсками. Так одна за другой был оккупированы Украина, Белоруссия, С. Кавказ, Грузия, Армения и Азербайджан. Лишь те национальные государства, где против красных стояла германская вооруженная сила, как например, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва, выдержали натиск красной армии и сохранили свою государственную самостоятельность.

Собирание «русской земли» было, таким образом, снова закончено.

Его истинный характер не надо было уже скрывать перед внешним миром. И потому, когда разбитая украинская армия вынуждена была оставить родную землю и отступить на польскую территорию, где была разоружена и интернирована, Каменев торжественно и откровенно заявил корреспонденту лондонской газеты «Таймс»: «Мы завоевали Украину и на этот раз уж навсегда!»

Иное дело внутри страны. Здесь надо было затуманивать свои империалистические, завоевательные намерения. Поневоле приходилось разыгрывать роль покровителя национально-освободительных стремлений, предоставляя всем еще недавно угнетенным национальностям формальную свободу национальной самостоятельности, а одновременно под шумок укреплять в конце ослабленный гражданскими войнами русский государственный организм, спешно создавать сильный русский полицейский и военный аппарат, чтобы затем при первой возможности круто повернуть советскую «национальную» политику на рельсы порабощения и руссификации нерусских народностей. Приходилось в известных рамках даже терпеть «самостоятельность» национальных советских республик. Вопреки нетерпеливым планам русских коммунистов этот период затянулся на многие годы.

Первым шагом по пути к «русскому» унитаризму, как это ни покажется странным, было образование Союза советских социалистических республик во второй половине 1923 года. Идти дальше в этом направлении русские коммунисты в то время не решались из опасения, что неокрепший еще аппарат государственной власти не в состоянии будет выдержать напора центробежных национальных сил. Неудачные национальные восстания были выра-

зительным предупреждением перед поспешными шагами.

Этот сравнительно долгий период «национальных свобод» был широко использован патристическими элементами национальных республик для развития национальной культуры, науки, искусства, литературы, народного просвещения и народного хозяйства. В этом творческом процессе, вопреки чаяниям коммунистов, крепло национальное самосознание масс, росло их стремление к государственной самостоятельности, вовлекая в орбиту национальных «узелков» даже руководящие круги коммунистов. Т. обр., создавался национально-патристический блок, начиная от крайних правых до местных коммунистов, своего рода общий фронт против русского великодержавного национализма, прикрывающегося красным знаменем интернационального коммунизма.

Для советской власти настало время решительных действий.

Еще до наступления этого момента, но в ясном предвидении его неизбежности, Коминтерн выдвинул против всяких «национализмов» любопытную и своим скрытым смыслом весьма характерную теорию единой социалистической нации, культуры и языка, этих неизбежных продуктов социалистического хозяйства, общества и государства.

В серьезно мыслящих кругах поработченных национальностей эта теория, естественно, должна была встретить и встретила подозрительное к себе отношение. Ведь еще так недавно такие же мелодии о единой русской нации, языке и культуре раздавались из лагеря русских шовинистов по всей империи «от хладных финских скал до пламенной Колхиды!» И это подозрение являлось тем более оправданным, что русский воинствующий национализм даже во время господства коммунизма ни на одно мгновение не прекращал своих атак на

завоеванные «национальные права» в отдельных республиках Союза.

В возникшей по поводу этой теории партийной дискуссии между «унитаристами и националистами» раскрылся истинный смысл нового учения.

За фантастическим образом единой социалистической нации, как оказалось, скрывался всего на всего только единый русский народ, в который должны были превратиться все многочисленные народности Советского Союза, а в далеком и туманном будущем, быть может, и все народы земного шара. А под единым языком этой грядущей нации разужелся язык ленинизма и сталинизма, русский язык!

Под старую и обветшавшую идею руссификации подводилось, таким образом, лишь новое теоретическое обоснование.

Новый поход обрусения теоретически блестяще провалился. Он встретил резкое сопротивление даже со стороны коммунистов-националистов (звучит парадоксально!). И из этого лагеря неожиданно раздались смелые голоса о праве и возможности «отделения» национальных советских республик от Москвы!

Союзному советскому правительству не оставалось ничего иного, как перейти к практике административного воздействия на всяких «сепаратистов» при помощи методов ГПУ.

«Национальная» советская политика превратилась в антинациональную. Идет разгром всех национальных учреждений в отдельных национальных республиках. Компетенция республиканских правительств неуклонно и быстро суживается; отрасль за отраслью переходит к общесоюзным центральным органам. Общественная, культурная и хозяйственная самостоятельность вступает в полосу быстрой ликвидации. Провозглашается генеральная линия беспощадной борьбы против всего национального. Русский великодержавный национализм

торжествует полную победу над националистами местными!

Так все освобожденные февральской революцией нации постепенно, но неуклонно возвращаются к своему дореволюционному положению, снова подводятся железной рукой Коминтерна под общий, русский ранжир.

Советское правительство, таким образом, теперь открыто поставило себе огромнейшую задачу превратить все многонациональное население Союза в русский народ, ту самую задачу, на разрешение которой династия Романовых безуспешно потратила свыше трехсот лет. Старые царские традиции снова облеклись в плоть и кровь в государстве интернационального коммунизма!

Советское правительство, это правительство застенков и палачей раг ехеПепсе, никогда при достижении своих целей не знало и не признавало никаких сантиментов. Непокорные национальности, не желающие превратиться в добровольных или безмолвных объектов новой, социалистической, русификации, а к тому же и активно ей противодействующие, оно истребляет физически. Голод, искусственно создаваемый политикой насильственного выкачивания продуктов продовольствия из строптивых национальных областей, массовая депортация коренного населения на далекий Север, с одной стороны, и широкая колонизация этих областей покорным русским элементом, с другой, — таков ответ русского советского правительства на национальное противодействие генеральной линии универсальной «социалистической» русификации.

Дальше идти уже некуда. Весь арсенал средств борьбы против национальной идеи исчерпан. Национальная трагедия порабощения близится к своей неизбежной развязке. На страдном пути всенационального уничтожения безвозвратно разрушились иллюзии советского

«национального» рая. Общая судьба сковала все подневольные народы в одно мощное целое.

И вот снова идея единого боевого фронта всех порабощенных народностей против их, на этот раз красных, угнетателей становится самой актуальной задачей текущего момента.

Из тяжчайших испытаний в социалистическом советском государстве все нации без исключения вышли национально и политически зрелыми.

В 1936 году идея национального фронта, это уже не продукт политического умозрения национальных вождей, как это было в 1917 г., а результат опыта, пережитого и передуманного широкими народными массами. Не против того или иного правительства, не против определенного государственного строя, как в 1917 году, направлен этот фронт, а против всякого русского империалистического национализма, безразлично, в какие бы социально-политические мантии он ни облачался, в черные, белые или красные, ибо ныне это фронт борьбы до окончательной победы национальной идеи, идеи национального возрождения и национальной государственной самостоятельности!

Национальный фронт достаточно силен численностью входящих в него народов. Его армии вдохновлены непобедимой идеей национального освобождения и равноправия. Но для окончательной и прочной победы над врагом они должны быть объединены и строго организованы и вести свою освободительную борьбу по общему боевому плану. Основной ошибке прошлого, разъединенной борьбе против общего врага, не должно быть места. Утопией и даже преступлением было бы строить сегодня планы самостоятельного освобождения какого-либо одного народа, напр., Украины или Кавказа, из когтей Москвы.

Для единства действий во что бы то ни стало должен быть создан единый боевой штаб

национальных армий: объединения на бумаге, в роде уже существующих, нужны лишь для наших врагов, большевиков, ибо они только демонстрируют бездеятельность и бессиллие!

Все, нас разъединяющее, должно быть отброшено. Все споры и разногласия должны смолкнуть. *Inter arma silent leges!* Придет время, после победы над красным врагом, ко-

гда все спорные вопросы между отдельными национальностями будут разрешены полюбовным соглашением.

Только объединенные и организованные мы непобедимы!

Микола Порш.

Р. С. Настоящая статья быв. посланника Украинской Республики в Берлине, была помещена в журнале «Клдэ» (№ 18, декабрь 1935).

Самоопределение Горцев Кавказа и в частности Осетин

(ПРОДОЛЖЕНИЕ*)

В 1771 году Екатерина II писала генералу Меду, начальнику Кавказской линии: «Разномыслие между горцами облегчит наше предприятие (постепенное заятие Северо-Кавказской равнины). На это дело и денег не жалеть*»). Следуя неуклонно этому принципу, русским удавалось поддерживать постоянные распри между горскими племенами и одновременно делались попытки добровольного подчинения себе порознь горцев. Такие попытки делались и по отношению Осетин. Но эти попытки на протяжении всего 18 века разбивались об упрямство осетин, стремившихся сохранить свою независимость и русское правительство решает, что «подлый народ ни чем к власти и вообуздание не подчиняется**»). В результате длительных переговоров царица Елизавета Петровна в 1775 году торжественно (на словах) гарантировала осетинам их независимость, на что последние еще долго ссылались в своих взаимоотношениях с Россией, а в 1835 году состоялось официальное принятие и Западной

Осетией, Дагорней русского подданства. С этого года уже вся Осетия находилась в русском подданстве с «гаратнией» России уважать адат и сохранить за осетинами земли, леса и др. богатства.

Мы уже достаточно знаем, как Россия сдержала принятые на себя обязательства. На протяжении всей истории взаимоотношений России с кавказскими народами, от Ивана Грозного и до аннексии Грузии Россия никогда не оказалась верной ни данному слову, ни союзническим обязательствам.

С давних времен грузинские цари признали за осетинским народом право взыскивать сбор за проезд по Дарьяльскому ущелью (Военно-Грузинская дорога). Тотчас же после принятия русского подданства осетинами, одним из первых актов русского правительства была отмена этого сбора в Дарьяле, а за ним последовал и ряд других унижительных для осетин мероприятий и вскоре начались взрывы негодования, вылившиеся затем в ряд грандиозных восстаний. Эти по началу небольшие вельшки народного негодования побудили генерала Лазарева обратиться к наместнику со следующим письмом: «Осетинцы не повинуются нико-

*) См. «Кавказ» № 26/2.

*) Государ. Архив. Осте. дела.

***) Госуд. архив. Осет. дела. Стр. 92.

му, делают разные грабительства и наглости, подобно лезгинам. Не внемлют ни увещаниям, ни угрозам и простирают более свои буйства... Не благоугодно ли будет повелеть их усмирить оружием: победоносных войск Е. И. В. и наказать оных за все преступления ими содеянные». (Т. I. Акты Кав. Арх. Ком.).

В 1804 году вспыхнуло возстание в Сев. Осетии, подавленное ген. Цициановым. Жестокости операции русских войск составляют одну из самых мрачных страниц истории Осетии. Тем не менее это возстание, не взирая на тяжелые жертвы закончилось для Осетии, можно сказать, победой: генерал Гудович подписал с осетинами договор, коим восстановил за осетинами право на взимание сборов за проезд по Дарьяльскому ущелью.

Обстоятельство это интересно в том отношении, что Россия на Сев. Кавказе не стала еще крепкой ногой в начале 19 века. Между тем, она прочно уже обосновалась в Тифлисе и справедливо считала, что не укрепившись основательно на Сев. Кавказе, владение и Грузией весьма не прочно. (К сожалению, среди нас есть сегодня еще деятели, которые этой простой мысли еще не уяснили).

В 1829 году Россия аннексировала Нахичевань, Абхазию, Карачай и княжества Гурийское и Сванетское. Это обстоятельство развязало руки русским властям. Не покорялись Осетия, Ингушетия, Чечня и Дагестан. Русские очень спешили покончить с осетинами и ингушами, чтобы затем усилить операции в Дагестане. Активность русских была продиктована тем, что у них были сведения, что Дагестан связывался с осетинами, ингушами и недовольными элементами в Грузии. Русские опять увидели, что горцы находятся на пути объединения против России. В виду такой серьезной опасности в Тифлис был назначен наместником энергичный и жестокий генерал

Паскевич, которому и была дана задача покончить с осетинами, ингушами и грузинскими царевичами и приступить к серьезным военным действиям в Дагестане.

Генерал Паскевич во исполнение этой задачи начал с осетин и ингушей. Он прежде всего отказался признать за осетинами права на взимание сбора по В. Гр. дороге и наложил на них вдобавок следующие повинности:

1. Бесплатная доставка дров для воинских частей.
2. Доставка строительного лесного материала для казенных построек.
3. Доставка сена для конницы.
4. Предоставление для армии, проходившей по Дарьялу бесплатных перевозочных средств (Бегара).
5. Перевозка казенной аммуниции до Тифлиса.
6. Бесплатная перевозка больных солдат в госпитали.
7. Перевозка русских чиновников по ущелью за плату, назначенную по усмотрению самих чиновников.
8. Доставка почты во время разливов рек и завалов.

9. Наблюдение летом и зимой за исправностью В. Гр. дороги за плату 10 коп. в день.

Само собой разумеется, что не приходится говорить о справедливом возмущении осетин. В эти дни один из представителей русской власти Чилев писал следующий рапорт своему начальству:

«Я видел сам, — пишет Чилев — у них хлеб, гниющий на стебле и в снопах в поле, под дождем, за отвлечением населения из своих домов для повинностей. Народ сей доведен до крайности и требует облегчения, которое тем справедливее, что, с учреждением в Грузии нынешнего права он несет такую повинность, какая прежде не была известна. Земли же у них

оставлено на 20 дворов 1/2 десятины без сенюкоса и настбиц» (Т. УП. Акты Ар. Ком.).

Народ действительно был доведен до крайнего отчаяния и вот тогда то и начало развиваться среди осетин и ингушей абречество и грабежи. До этого ни один историк, ни один исследователь не отмечал в характере наших народов склонности к грабегам. На это, как показывает история, натолкнула и нас и ингушей русская тогдашняя политика. (Стр. 127 Ист. Осетии).

Развитие этих событий закончилось грандиозным восстанием в Сев. Осетии, поддержанным ингушами и перекинувшимся в Южную Осетию, где его возглавили грузинские царевичи, гостившие всегда у осетин.

Генерал Паскевич снарядил две армии для подавления восстания в Осетии: одну для южной, а другую для северной Осетии. Перед этими экспедициями побледило все, что до сих пор несчитала Осетия. Привожу описание этих событий лишь в сев. Осетии, текстуально из учебника по истории Осетии, который преподается в настоящее время в школах Осетии.

«Прежде всего армия двинулась на горную ингушетию Джераховцев и Кистинцев, но объединенные силы осетин и ингушей заставили армию Паскевича отступить к Владикавказу. Это было 21 августа 1830 г. Осетины стали наступать на Ларе, где русские части имели склады вооружения. Паскевич двинул из Владикавказа на помощь Ларскому отряду 20 дивизию. Осетины эту дивизию рассеяли и захватили 2-ю ее бригаду в полном составе. Ночью с 26 на 27 августа из Владикавказа выступила значительно усиленная армия. Осетины, заняв удобные позиции по ущелью, встречали каждый шаг продвижения русских войск ружейным огнем. Под каждым камнем, под каждым кустом сидело по несколько человек осетин, отчаянно бившихся с врагом. В скопища

русских войск сбрасывались огромные камни, которые с неимоверным грохотом, попадая в массу, уносили с собою в бездонную пропасть ущелья десятки русских солдат. Осетины брали в плен разезды русских, разбивали авангарды, но главные русские силы были еще позади. Русские заняли Ларе и осетины вынуждены были отступить. Русские не жалея солдат, шли и шли и наконец ворвались в горные укрепления Осетии, где бой завязался на штыках. Не привычные и не знакомые со штыком осетины были таким образом выбиты из их укреплений и затем русские свободно вошли в селение Сакиба, где они не нашли ни одного жителя.

Вожди осетин Беслан Шанати, прапорщик русской службы, Азо Шанати, Бата Канукати были разстреляны.

Селения Базикау, Лац, Хидикус, Цимити были сожжены до тла, а также Верхний и Нижний Кобан. Были сожжены и сел. Ламардон, и Цми, которые защищались под водительством братьев Карсанати. Тысячи осетин были взяты и частью разстреляны, а остальные немедленно же отправлены в Сибирь, где они и погибли. В результате этих операций, командующий войсками писал:

«Если бы надлежало приступить к решительному истреблению горцев, живущих по обеим сторонам В. Гр. дороги, т. е. осетин и ингушей, то отряд должен заняться истреблением хлеба и домов жителей... Сия решительная мера принудит в скором времени сих горцев предать себя воле правительства и сделать из них в непродолжительном времени самых послушных подданных». (Акты Кав. Арх. Ком., т. УП. Рапорт Паскевичу от 21 августа 1839 года за ном. 155).

По окончании похода в Осетию генерал Паскевич доносил военному министру Чернышеву в Петербург от 5 марта 1831 г.

«Народ угнетенный получил отдых. Правительство, имевшее в осетинах сомнительных соседей, теперь имеет в них повинующихся подданных»...

Надежды Паскевича не оправдались. Осетины понемногу залечивали раны. Борьба же с русской властью приняла новые формы.

**

С окончательным укреплением русской власти на Кавказе изменились формы борьбы народов Кавказа с Россией. Горцы быстро поняли, что при новых создавшихся условиях одним из орудий самозащиты является освоение тем даром, которым располагают победители, т. е. русской грамотой и горцы ревностно взялись за науку. Выделившаяся интеллигенция была вполне национально и пользовалась абсолютным доверием у народа. Уже в восьмидесятых-девяностых годах прошлого столетия в сборниках «сведений о кавказских горцах» издававшихся в Тифлисе, имеются труды осетин, ингушей, кабардинцев и дагестанцев. Интеллигенция эта множилась и крепла очень быстро, а в особенности большой шаг сделали осетины. Вот эта-то интеллигенция и повела борьбу с русской властью уже в новых формах.

В самом начале 20 века, а именно перед 1905 годом, во Владикавказе, являющемся центром скопления осетинской и ингушской интеллигенции, вырабатываются две петиции на имя наместника кавказского. Петиции были подписаны представителями осетин, ингушей, кабардинцев и дагестанцев*). В этих петициях горцы требовали введения на Сев. Кавказе суда присяжных и во вторых введения

широкого земского самоуправления.

Вы увидите с какой логической последовательностью и планомерностью осетины и другие горцы пришли этапам от принципа самоуправления к требованию полной политической независимости. Я не буду останавливаться на других петициях, подававшихся безколючко много раз, с напоминанием русскому правительству о данных торжественных обещаниях сохранить за горцами все права на землю, леса и недра. В такой обстановке захватывают нас события 1905 года. События в России были учтены, как момент благоприятный для того, чтобы, если не окончательно сбросить иго, то завоевать хоть какие нибудь себе права. Брожение было по всюду, но характер большого восстания события приняли в Северной Осетии. Русское правительство снаряжает в Осетию карательную экспедицию, главным образом, из казаков и артиллерии, под командой полковника, ставшего потом известным на всем Кавказе, Ляхова, нашедшего в последствии смерть в Батуме. В ответ на это возстал во Владикавказе «осетинский конный дивизион». Как и Осетия, так и дивизион были разгромлены с невероятной жестокостью, отсюда и началась карьера Ляхова.

Но Ляхов усмирил осетин, но волю в свободе он в них не убил. После 1905 года осетины, а вместе с ними и другие горцы, уже говорили не о суде присяжных и земстве, которых так и не добились, а речь уже шла о широкой автономии.

Да это и понятно. Во главе интеллигенции стоял до 1905 года такой пламенный, выдающийся патриот, как Коста Хетагури. Своей поэзией, глубоко проникнутой патриотизмом и борьбой с русской властью, он зажег сердца всех, кто его слушал или читал. О мотивах творчества Коста, в виду его общекавказского значения, было бы полезно сделать особый

*) Имена подписавших известны редакции «Кавказа».

доклад. Коста был не только поэт, но Божьей милостью вождь всей нашей политической интеллигенции. Он невероятно страдал от физической и моральной оккупации Кавказа, боролся до смерти с этой оккупацией и завещал нам продолжать эту борьбу.

«Умри от раскаяния, если ты когданибудь сделаешь пришельца своим господином» — этими словами он заканчивает свое стихотворение «Kataj» — Безпокойство, обращенное к народу, за участь которого под русской властью он бесконечно спрадает. В другом месте, обращаясь опять к своему народу и говоря от имени народа в стихотворении «Апахаж» — Бездольный — он говорит

«Чужие люди, чужая страна
 Пьют мою кровь каплю за каплей»...

Самое прославленное его творение «Додой», сделавшееся у нас национальным гимном и за которое Коста вновь (в который раз?) подвергся высылке с Кавказа, является определенным зовом к активной борьбе с русской оккупацией Кавказа:

«Пусть обвал задавит вас передовые люди
 «Если никто из вас не может зашевелиться
 «Пусть хоть когонибудь затронет горе народа...
 «Крепкими цепями скованы наши члены
 «Оскверняют святыни народные
 «Мертвецов не оставляют в покое, отняли у нас земли
 «Секут лозой от мала до велика
 «Приди же пастырь желанный и собери нас всех воедино
 «О горе! враг гонит нас к пропасти...»*)

Всякому объективному и безпристрастному читателю, ознакомившемуся с изложенными фактами из недалекого прошлого нашего на-

рода станет ясно, что ни осетины, ни другие горцы никогда не считали себя счастливыми под русским владычеством. Идея борьбы с этой властью никогда ни на одну минуту не потеряла у нас своей актуальности и если тем не менее мы можем встретить одиночек и у Милюкова и у Казем-Бека и в других великодержавных фронтах, то это объясняется самым простым недоразумением — полнейшим незнанием этими господами истории своего народа, а в особенности истории нашей общественно-политической борьбы за последние 30 лет. Если бы они это знали, то конечно, не стали бы говорить о том, что Россия нас научила грамоте и пр. Тем, кто принимал активное участие в общественно-политической жизни народа хорошо известно, каких нечеловеческих усилий стоило открытие какойнибудь захудалой школы. Мы годами боролась, чтобы построили у нас больницы. Но до самой революции на всей территории горских народов не было открыто ни одной больницы. Мы требовали самоуправления, его нам не дали, а когда нет общественного органа, тогда некому построить и на свои средства. Не строило ни государство, не давали строить и нам. Распространению образования и грамотности осетины и др. горцы исключительно обязаны собственной энергии и самодеятельности, со стороны русских властей в этом отношении хронически ставились препоны.

Созданное горцами «Общество распространения образования и технических знаний среди горцев» никогда не встретило простого сочувствия со стороны русских властей. Наоборот за деятельностью общества очень зорко следили, недоверяли, хотя в составе его значились почти все служилые горцы и было время, когда во главе его стоял генерал, лично известный царю. Но о деятельности этого общества, в которой очень много интересного и

*) Свободный перевод Ахмеда Цалыккаты.

убедительного об антирусской позиции осетин мы поговорим в другой раз.

Политика денационализировавшихся однопочек не вызвала бы наших возражений, если бы они своими выступлениями не создавали иллюзий у таких виднейших представителей русской великодержавной политической мысли как П. Н. Милоков и в др. русских фронтах. С ними мы считаемся, как с нашими противниками. Не зная прошлого нашей политической истории, они еще менее знают о тех колоссальных политических и психологических сдвигах, которые происходят за последние 20 лет на нашей родине. Между тем жизнь идет безостановочно вперед, а жизнь народов, переживших революцию идет исключительно быстрыми темпами, ибо революция разрушила не только хозяйственный и бытовой уклад, но и все старые понятия. Все это может нам не нравиться, но из этого не следует, что на все то, что происходит сейчас на нашей родине, мы должны закрывать глаза. Одним из этих

яний, английские газеты уже вперед вычисляли лозунг о свободе самоопределения, о равенстве народов больших и малых. Вот и начали самоопределяться все народы во всем мире, а в России буквально все, даже такие, как зыряне, чуваша, якуты и пр., о существовании которых даже не всякий образованный русский знал.

Почему же, на основании каких данных, некоторые парижские осетины ублаживают обманной надеждой П. Н. Милокова на то, что из всей этой огромной семьи народов СССР осетины составляют исключение и что революция и ее лозунги прошли мимо осетин и что в своих великодержавных стремлениях и П. Н. Милоков и Казем-Бек и еще не знаю кто, могут опереться на Кавказе на осетин? Прошлого, как раз говорит против этого.

Что же происходит теперь у нас на родине?

Тамбий Елекхоти.

(Продолжение следует)

Великий всероссийский обман

I.

Россия импонирует своей огромностью. Шестая часть суши, свыше полутора миллиона населения, на протяжении нескольких веков захват новых территорий и новых народов — все это производило впечатление, невольно производит еще и сейчас. В особенности территория — стоит посмотреть на карту, как разлеглась она целым материком, загромаждая и Европу и Азию.

Когда началась великая война с Герма-

нией, английские газеты уже вперед вычисляли, какой неисчерпаемый запас ратников может выставить этот грозный восточный союзник, и делали отсюда вывод, что Германия, конечно, выдохнется раньше, чем Россия использует все пригодное к оружию население. Лорд Китченер с тем и отправлялся в Россию, чтобы понудить ее энергичнее и скорее вводить в оборот свои безчисленные человеческие запасы.

Все эти расчеты оказались в основе неверными, и первая из воюющих держав выде-

хлась и прекратила бой именно Россия, несмотря на всю свою территориальную огромность, несмотря на материальные ресурсы и грозное превосходство населения. Да и задолго уже до окончательной катастрофы, благополучный исход войны на российском фронте представлялся для союзников безнадежным, — в этом не хотели признаваться, но это было так, и немцы могли бы в любой срок как угодно разделаться с Россией, не будь их главные силы прочно связаны на западе.

Вообще главный сокрушительный удар издавна подготовленных к войне германских армий почти целиком приняла на себя Франция, а восточный союзник — великан оказался не по комплекции слабым, вызвав естественное разочарование и даже раздражение, которое все увеличивалось по мере дальнейших военных неудач России, закончившихся бегством с фронта и Брест-Литовским мирным договором.

Тогда то вспомнили и во Франции, и в Англии сравнительно недавний опыт русско-японской войны, на всем протяжении которой, и на суше, и на море, маленькие японцы-островитяне били, где хотели и как хотели, разлегшегося по двум материкам колосса. Вспомнили французы своего озадаченного событиями тогдашнего министра Делькассе — горячего сторонника франко-русского союза, — которому приходилось всячески изворачиваться, что бы дипломатически поддержать бессильного, попавшего в переделку союзника. А что было бы если бы император Вильгельм выбрал этот момент для нападения?! Справдо и подумать. Хорош, действительно этот страшный от Германии восточный союзник, которого приходится самого выкручивать из катастрофы, в которую он влез. Кем разбит? Неизвестными дотоле, как военная нация, островитянами.

Вспомнили, конечно, и многое другое. Крымскую кампанию, которая обнаружила с такой очевидностью худосочие и органические болезни российского великана, очевидно неправильно развивавшегося, неспособного пережарить все то, что он с жадностью захватывал и поедал. А турецкая война 77-го года, так называемая «победоносная»? Как тяжело далась она огромной России в ее неравной борьбе с уже ослабленной Турцией, — какие значительные, почти роковые неудачи пришлось терпеть в балканских переходах, под Плевной, под Карсом...

Исход русско-японской войны вызвал тогда во Франции взрыв недовольствия, — можно сказать — возмущения. И это наш хваленый союзник? Наша опора в неминусимой борьбе с закованной в сталь Германией?

Смягчающим обстоятельством было только то, — и на него указывали — что театр военных действий находился где то там, на крайнем востоке, на самой отдаленной окраине этой неизмеримой территории, куда ведет лишь один однокорейный железнодорожный путь, — может быть и сильная здесь в Европе Россия могла, конечно, оказаться слабей у берегов Тихого океана, где база японцев тут как тут.

Мало по малу этому захотели поверить, — соображения все те же: шестая часть суши, сто восемьдесят миллионов населения и т. д. и т. д. Где найдешь другого такого сподручного? Надо его только субсидировать, — пусть готовится к войне — строит заводы, броненосцы, стратегические пути, приобретает новейшую артиллерию, — ведь какое у него количество пушечного мяса — прямо заваляет.

Вот и стали высчитывать — сначала во Франции, а потом, когда король Эдуард VII вступил в «согласие», то и в Англии — во сколько крат определится численное превос-

ходство союзников под условием полного использования всех российских человеческих запасов.

Но арифметика себя не оправдала. Пришлось, во всяком случае во Франции, выдерживать самим всю главную тяжесть великой мировой войны, несмотря даже на то, что Италия, вопреки союзу, оказалась врагом Германии, да и победа то стала определяться лишь с присоединением Америки, с ее техникой и капиталами. А восточный великан уже давно лежал полураздавленный, не в силах защищаться даже сам, — и наконец вовсе отказался далее участвовать в побоище.

Тут то и наступил момент, когда ценности союза стали взвешивать по достоинству, и многое вспомнили из прошлого: да ведь подавал этот глиняный колосс уже и раньше несомненные признаки своей действительной слабости и неустойчивости, органической своей порочности.

Но вот теперь опять — не прошло и двух десятилетий после скандала на русском фронте, после полного разгрома России немцами, хотя главные их силы — и качественно и количественно — были на западе, во Франции и в Бельгии, после позорного и предательского Брест-Литовского мира, — не прошло действительно и двух десятилетий, как вновь выдвигается с тем же упорством все та же скандально обанкротившаяся комбинация франко-русского союза, якобы способного гарантировать безопасность Франции, застраховать ее от страшной германской угрозы.

Повидимому, Россия в самом деле импонирует своей огромностью, раз такая мысль, несмотря на все прошлые разочарования, может опять найти отклик в общественном мнении Франции.

Неудивительно, что ее поддерживают те левые круги интернационалов, которые преы-

ше всего ставят сохранение советской власти в Москве, как могущественной базы мировой революции и главного оплота борьбы с фашизмом, но ведь французские радикалы — это все же, несмотря на всю их якобинскую преемственность, та партия, которая так или иначе руководит уже давно национальными интересами Франции. Радикалы все же, надо полагать, в первую очередь думают о своей родине, а не о советской России.

Когда такой человек, как Эдуард Эррио, говорит о своей дружбе с Литвиновым, он, конечно, имеет в виду не мировую революцию и не торжество коммунизма на земле. Он приветствует в лице народного комиссара не только родственного якобинцам революционера, но прежде всего министра иностранных дел огромной восточной державы, т. е. опять таки того самого союзника-исполнителя, в свое время обольщавшего Делькассе, в честь которого республиканцы готовы были кричать на улицах Парижа: «да здравствует царь!» Пусть теперь это сменится криками: «да здравствуют советы!» — важно заручиться содействием России, независимо от формы правления.

Эта мысль, вернее даже эти чувства — настолько в общем популярны, что не хотят видеть очевидности: Россия слаба. И очень горькое разочарование, неизбежное и горное прежних, ждет впереди.

Да, Россия слаба. Все эти рекламируемые технические совершенства красной армии имеют такую же точно цену, что и недавние мировые достижения Днепростроя, Магнитогорска или Беломорского канала. Давно ли это было? Беззастенчивая похвальба московских газет и всей вообще благожелательной Москве печати, подтверждаемая свидетельствами тех или других экспертов и знатных туристов, речи комиссаров и всяких большевицких саповников, клятвенные обещания переиграть

Америку, — куда все это теперь девалось? Часто ли вспоминают о Днепрострое и Магнитогорске?

Преждемему страна нуждается в самом необходимом, — нет нужных машин, паровозов, сельско-хозяйственных орудий, — что там говорить о тракторах, когда по собственному признанию большевиков нет серпов, кос и лопат, — в стране, живущей под эмблемой серпа и молота, как раз нет в достаточном количестве ни того, ни другого, — а главное, нет людей; ни в одной области нет достаточного числа подготовленных специалистов, нет рабочих, знающих и любящих свое дело, — есть только рабы каторжного труда, который они проклинают. Обличая преступную нерадивость, советские газеты признают сами, что на 50-60-80 проц. заводы производят брак.

Военное дело не может составлять исключения в этой довольно стройной системе общего государственного убеждения. Хотя «партифистская Москва» только тем сейчас и занята, что увеличивает и укрепляет армию, и этому принесены в жертву все другие задачи властвования, но ведь еще недавно так же точно носились с промышленным социалистическим строительством, от которого остались теперь почти уже ненужные дряхлеющие исторические памятники. Также в решительную минуту окажутся непригодными и технические чудеса красной авиации и артиллерии.

Да и к тому же аэропланов, парашютов и зенитных орудий для ведения войны еще мало. Надо иметь и пути, сообщения, и хорошо налаженный аппарат содержания и продовольствования армии на театрах военных действий, надо — главное — иметь людей — искусных, опытных руководителей и проникнутых чувством долга исполнителей их разумных и действительно выполнимых приказаний. Русская армия всегда страдала этими дефектами:

стадностью масс и легкостью, с какой отдавались часто невыполнимые приказания. А что будет теперь — при нынешней чекистской атмосфере взаимоотношений, при прочно установленном советском понимании человеческого достоинства и вообще ценности человека!

Россия, конечно, поднесет новую очередную неожиданность всем готовым ей довериться союзникам. При этом не надо забывать, что старая власть в России — она все же была честной в выполнении принятых на себя обязательств, она с ними не справилась, но она до конца им оставалась верной, — во многом можно обвинять последнего русского монарха, но только не в измене союзникам, — даже в вопросе личного самосохранения, спасения любимой семьи — он отвергал всякую поддержку и помощь Германии.

Не то, разумеется, будет теперь. Россией управляет власть по самому существу своему предательская, готовая ради собственного спасения на что угодно, готовая отречься от всех своих заверений при первом признаке опасности.

Она уже отреклась от первоначальных и руководящих основ своей международной политики, — самую идею мирового коммунизма, т. е. самую сущность своего символа веры и двигательных импульсов подчинила панике самосохранения. Литвинов и Потемкин разглазговствуют в Лиге Наций во имя существующих взаимоотношений буржуазных правительств, во имя Версаля и Локарно, а Сталин благословляет укрепление военной мощи Франции и уверяет, что русский коммунизм не для экспорта. И совершенно также предадут они новых своих союзников, как только этого потребует изменившаяся обстановка.

Да потому только и заговорили они этим новым языком миролюбия и дипломатического угодничества, что хорошо сознают собствен-

ную свою беспомощность, как военной державы. Они пребывают в непрерывном трепете перед возможными военными столкновениями с соседями и готовы связать себя на словах какими угодно обещаниями, лишь бы только их обязали поддержать действительно сильные государства. Только из за этой своей паники прикусили они в последнее время язык, отказались от того наглого и вызывающего тона, в каком говорили раньше.

Понимают они еще и то, помимо сознания своего действительного государственного беспорядка и неподготовленности, что Россия — это конгломерат народов, а не единый народ, и что российская революция уже пробудила и глубоко укрепила национальное чувство этих составных частей советского союза, из которых вероятно не много найдется же-

лающих идти и дальше по одной дороге с Москвой.

Россия была и раньше слаба, как источник помощи, несмотря на всю свою огромность и видимую многолюдность. Но в нынешней России — все, решительно все — декорация и ложь. Об этом мы еще будем говорить подробнее. Теперь наш долг лишь на это указать: всякая надежда на нынешнюю Россию — это чистейшая иллюзия, опаснейший мираж огромной территории, где каждый доверившийся найдет не великую всероссийскую мощь, а великий всероссийский обман.

Вся тяжесть возможных военных осложнений ляжет на другого контрагента по своему договору, и всякий такой договор, сознательно или бессознательно, может иметь целью только защиту России, а не защиту ее союзника.

В. Ленин.

Роль грузинских меньшевиков в войне 1921 г.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ*)

Есть еще два важных элемента правильной подготовки государства к возможной войне. Это правильная внешняя политика и правильная финансовая политика. Но позвольте мне здесь поставить точку, вернее многоточие... Я не хочу подражать нашим соц.-демократам и не возьмусь разбирать вопросов, в которых я мало ориентирован. Наши соц.-дем. честные люди, и они сами скажут, что и то и другое в той части, которая касается России, Турции и наших мелких соседей, было из рук

вон плохо. Мало того, наша финансовая политика и наши экономические отношения с иностранцами были главной причиной, первопричиной и наших экономических и наших военных действий... Вывод, я должен здесь поставить точку, я ее и ставлю.

Какой же общий вывод из всего сказанного? Правящая партия, которая в общем признала по диктаторски и при помощи многочисленных диктаторов, крупных и мелких, не подготовила нашей страны и нашего народа к защите от внешней опасности. Что у них не хватало ума, честности, национального чув-

*) См. «Кавказ» № 1/26.

ства? Нет, было бы нечестно утверждать это. Все это у них было в избытке, в особенности национальное чувство: даже у таких искренних интернационалистов, как Валико Джугели. Но у них не хватало национального чутья, у них не было тонкой связи с нашим прошлым. Увлеченные могучим умом и мощной логикой основатели новой материалистической религии, отдавая свое сердце новому пророку и принимая у себя новых апостолов этой новой религии, с ап. Павлом во главе, наши соц.-дем. ясно видели перед собой светлое царство социализма и не видели темного царства темных сил, нас окружающих. Военный министр Ной Рамшвили, ясно и отчетливо видел, что через 20-30 лет во всем мире будет торжество социализма. Но ни он, ни его товарищи, столь склонные к новой социалистической мистике, не видели одного, очень реального факта: не смотря на возможность этого воцарения социализма, несмотря даже на то, что он уже воцарился в Москве, нас, все таки окружала та военно-политическая обстановка, которая реально царила кругом нас от Мцхетских Мамасахалисов до наших дней, составляя постоянную часть нашей национальной жизни: с севера на нас рычал сначала белый русский медведь, а потом скалило зубы красное рыло московского коммунизма, с юга на нас надевалась черная Турция, а рядом с ней всегда держал за пазухой камень «дружественный» нам Азербейджан. Даже шавка из Эривани непрерывно лаяла на нас и не раз хватала нас за шкуры. Даже Врангель со своей армией, уже разлагаясь в Константинополе, уже смехотворный в своей позе «Правителя» России из Константинополя, и тот составлял и расчерчивал план завоевания Грузии*). А они, наши соц.-дем., они не видели всего этого; они не чуяли,

что история наша, хотя и в новых одеждах, но шествует старыми стезями... что судьба наша — вечная борьба за нашу свободу, с оружием в руках.

Эта политическая, я бы сказал прямо, эта сектантская слепота и была, вероятно, причиной того, что военное дело было у нас в загоне, считалось вещью второстепенной. У военного дела у нас никогда не было хозяина, и достаточно компетентного и достаточно полномочного. Военный министр был полномочен, но не компетентен, да и всегда занят другим, каким то таинственным, более важным делом в другом, более важном месте: он посвящал военному делу едва пол часа в день, и всегда с часами в руках: «Я тороплюсь в такой то комитет», «Мне нужно поспеть на такое то заседание» — вот его почти ежедневные слова, как только он появлялся в своем кабинете.

Товарищ военного министра был лицом компетентным, но совершенно не полномочным; мало того, он всегда был с парализованной волей, — таково было отношение к нему политической власти. Военный Совет был и не компетентен и неполномочен, — таков был его состав, таково было соотношение голосов в нем, нарочито устроенное. У него не было ясно очерченных функций и точных обязанностей. Я два раза представлял министру проект положения о Воен. Совете для проведения его в законодательном порядке, но он и до сего дня не успел еще его рассмотреть. Если бы я мог вам представить этот документ, как я вам представил мой доклад о том, что необходимо было нам на случай войны с Россией, то вы бы еще раз увидели, что военные все предвидели и все своевременно и многократно докладывали. Но вот, военные министры все куда то торопились и все куда то спешили, отмахиваясь словами: «Это теперь не важно». Войско — военное дело — это не-

*) План этот имеется в Полит. Комиссии.

важно; партия, партийная грызня — это было важно! Что из всего этого получилось? А то, что когда кругом, нас у самых наших границ, сосредоточилось около 95-100 тысяч русской пехоты, 5.000 кавалерии, 25.000 турецкой пехоты и целая дивизия курдской кавалерии Киазима-Карабекира Паши нацеливалась на нас же по предварительному договору с Москвой, вожди Соц.-демократии говорили: войны с Россией не будет, не нужно к этому подавать повода, не нужно держать динамита под Нойлинским мостом. От меня раздраженно требовали, чтобы я скорее снял динамит, а ген. Такайшвили грозили тюрьмой. И когда, наконец, ударная группа русских, XI армия, состоявшая по меньшей мере из 30.000 пехоты и 5.000 кавалерии атаковала наши авангарды 11-го февраля 1921 года, и мы, военные, объявили в Сов. Обороне, что война с Россией началась, то председ. правительства, вероятно на основании донесений партийных, «своих» людей, ответил нам и оповестил в Учред. Собрании всю нацию, что нас атакуют не русские, а армянские банды... Разве не ясно для вас, что люди, столь слепые, столь глухие к политической обстановке, перед ними развертывавшейся, не могли правильно готовить нацию к обороне, страну к войне? И, конечно, не им дано было своевременно понять, что грошевая экономия неуместна, когда надвигается девятый вал.

Обстановка перед самым нападением на нас русских красных войск была довольно неясная: было ясно, что Москва решила с нами воевать, но не было ясно нападет ли она на нас сейчас или дождется ранней весны. Это зависело, шовидимому, от поведения Турции, которое было довольно двусмысленное, даже «плодое», по выражению перехваченной нами московской телеграммы: она вела переговоры с Лондоном, и каждую минуту можно было ждать

соглашения Ангоры с Англией; и тогда наступил конец дружбе с Москвой, и наша южная граница была бы безопасна. Но лондонские переговоры затягивались, а потому одновременно шли и переговоры Ангоры с Москвой. Вместе с тем кемалисты ловко морочили голову, способами, самыми примитивными, нашему представителю С. Мдивани в Ангоре и вертелись около начальника нашего Ген. Штаба в Тифлисе, — ему кто то почему то и совершенно помимо меня, поручил разговаривать с Казим-беом (представитель Ангоры в Грузии) и Таллат-Беом (его помощник), называвшим себя грузином-мусульманином. В результате этой азиатской примитивной ловкости турок, все почему то ожидали, что вот-вот Турция выступит против большевиков, и мы спасены, Такова была общая атмосфера. Но я и, кажется, начальник Штаба, несмотря на это, понимали обстановку так, как я докладывал письменно 3-го января; я писал: «Турки в предстоящем сражении не выступят, во всяком случае в начале, активно против нас... и только в случае нашего поражения, немедленно займут области, оставшиеся за ними по Брест-Литовскому договору». Но переговоры в Лондоне затягивались и не имели успеха, и поведение турок становилось все более и более подозрительным. Становился возможным их удар нам в тыл в самый момент нападения на нас русских, — поэтому необходимо было хотя бы вооруженное наблюдение за ними. Не внушали мне доверия и Борчалинские армяне и русские, а в случае вытупления турок, конечно, и Борчалинские татары и мусульманское население Ардаганского округа, Ахалцыхского уезда и Батумской области. Итого против нас — одних только русских 100.000 пехоты и 5.000 кавалерии, да 30.000 турецкой пехоты и не менее 2.000 курдской кавалерии.

Что мы могли выставить против этой циф-

ры? Если бы у Гогуа было продовольствие, обмундирование и лошади, то оружия у нас было столько, что мы могли бы мобилизовать всю пехоту и получить 36.000 батальонов и 48 орудий; но т. к. у Гогуа ни того, ни другого, ни третьего не было, то мы сумели мобилизовать только 1/3 этой цифры, т. е. только 12 батальонов и 24 орудия при двух ящиках каждое, вместо восьми. При этом мы не могли одновременно с призывом четырех сроков запасных, призвать и очередной призыв молодых: их призыв мы отложили. Но и эта мизерная мобилизация — плод нашей мудрой бережливости — удалась далеко не гладко: из одиннадцатого батальона убежало 308 человек призванных, т. к. в продолжение трех дней мы не давали им есть и не могли их одеть; так они официально и доложили кому следует, уходя домой. Убегали, конечно, и из других частей и по тем же причинам. Но будем, все таки, считать, что мы выставили полностью все 12 батальонов, т. е. 9.600 человек при 24 орудиях.

Гвардия обещала выставить 22 батальона пехоты, состава 700-1.500 человек каждый, 24 орудия и полк кавалерии. На самом деле она могла мобилизовать только 17 батальонов в составе каждый в среднем не более 500 человек*) т. е. всего не более 8.500 человек пехоты, при 20-22 орудиях и при трех эскадронах. Всего мы мобилизовали, таким образом, не более 18.100 штыков при 46 орудиях и шести эскадронах. Это против 100.000 неприятельской пехоты и 5.000 кавалерии**). Иными словами, пехоты у нас было около ше-

*) Особый батальон вышел из Тифлиса на театр войны в составе только 240 человек, зато на его проводах было сказано 240 речей!

***) Не считая турецкой армии.

сти раз меньше, чем у неприятеля, а кавалерии в 8 с половиной раз меньше. Соответственно создавшейся обстановке и неясному положению, занятому турками, я отдал приказание о следующем сосредоточении наших войск:

1) К Югу и Ю.-В. от Тифлиса, против главной группы неприятеля, XI армии, усиленной армянскими формированиями, я приказал сосредоточить 7 батальонов армии (5, 7, 8, 1, 4, 9 и 10 полки), и 13 батальонов гвардии при 9 батареях и 2-х наших конных полках, едва насчитывающих 5-6 эскадронов на истощенных от безкормицы лошадях. Все это составляло бы 12.100 штыков, 28 орудий и 500 коней против 25.000 XI русской армии и 25.000 турок и 7.000 русской и турецкой кавалерии.

2) На Сухумском направлении, против IX армии я мог выставить только 2-ой батальон армии и Сухумский батальон гвардии, всего около 1.500 человек, против 52.000 (?) IX русской армии.

3) В Батуме 3-ий батальон армии и Батумский батальон гвардии, всего не более 1.000 человек, против 5.000 турок в районе Ризе и Трапезунда.

4) В Ахалцыхе и Ардагане 11 и часть 12 батальона армии и Ахалцыхский батальон гвардии, всего около 1.200 человек.

5) В Кахетии 6-ой батальон армии и Кахетинский батальон гвардии, что составляло около 1.300 человек, против 5.000 русской пехоты и части русской кавалерии.

6) Дарниальское ущелье и Мамисевский перевал наблюдался гвардией.

Из простого сопоставления этих цифр (18 тыс. — 130 тыс.), вы видите, что я, как говорит русская пословица, на обухе рожь молотил, что грузинская армия на всех своих фронтах шла прямо на убой... Но защищаться нужно было, и армия начала сосредотачивать-

ся. Но миллион и одно обстоятельство, от командования армией не зависящих, мешало войскам своевременно и в должном составе прибывать на предстоящий театр войны, и равно все отсутствие одежды и снаряжения, чтобы

одеть и снарядить мобилизованных людей... Войска не успели еще все сосредоточиться, как русские войска и возставшие берчалинские армяне и русские неожиданно атаковали нас.

И. Одишелидзе.

(Продолжение следует).

Обзор печати

ТАЙНЫЙ ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР

Французская печать воспроизвела, опубликованный журналом «Европа» текст тайного договора, якобы заключенного в 1935 году между Польшей и Германией. Оставляя на ответственности опубликовавшего его журнала достоверность этого любопытного документа приводим его для наших читателей по тексту, данному газетой «Пари-Сюар» 21-го марта:

Статья 1. — Высокие договаривающиеся стороны обязываются совещаться по всем вопросам, которые могут повлечь для каждой из них обязательства международного характера.

Статья 2. — Польша обязывается в своих внешних сношениях не следовать такой политике, которая не соответствовала бы позиции германского правительства и благоприятствовать интересам этого правительства во всех обстоятельствах.

Статья 3. — В случае наступления каких либо международных событий, способных изменить существующее статус-кво, обе высокие договаривающиеся стороны обязуются вступить в немедленный контакт

друг с другом на предмет выработки мероприятий, которые надлежит принять в соответствии с указанными событиями.

Статья 4. — Высокие договаривающиеся стороны обязуются принять всякие экономические мероприятия, которые отвечают общим интересам или интересам одной из сторон. Сверх того, высокие договаривающиеся стороны обязуются принять все меры, направленные к тому, чтобы усилить их общие защитительные позиции

Статья 5. — Польское правительство обязуется обеспечить свободный пропуск через территорию Польши германских войск, в случае если им придется иметь дело с фактом агрессии, исходящим с Востока или Северо-Востока.

Статья 6. — Со своей стороны германское правительство берет на себя обязательство защищать всеми доступными средствами против всякого посяательства территориальную и политическую независимость польского государства и неприкосновенность ее границ.

Статья 7. — Настоящий договор действителен в течение двух лет со дня обмена ратифи-

фикциями. Действие его будет продлено автоматически до тех пор, пока та или другая сторона не денонсирует его, по крайней мере за 6 месяцев до его истечения.

ТУРЕЦКО-СОВЕТСКАЯ ДРУЖБА И ГЕРМАНИЯ

Протокол о продлении турецко-советской дружбы еще на 10 лет (до 1945 г.), подписанный несколько месяцев тому назад в Анкаре, ратифицирован сторонами и в середине февраля в Москве состоялся обмен текстами — между заместителем нарком инд. Крестинским и турецким послом Зекан бей Апайдином.

Турецко-советская дружба, возникшая в самые критические времена в истории правительств обеих стран, вызвала оживленную оценку в прессе Анкары и Москвы с одинаковым удовлетворением подтверждающих значение и плодотворные последствия «опыта 15-летней дружбы».

По случаю подписания пахта зам. министр дел Турции Сарачоглу Шюкри бей дал вечер в залах народного дома в Анкаре, на котором присутствовали члены правительства, во главе с председателем ген. Исмет Инюню и советский посол Карахан, со всеми служащими своего посольства. Кроме того, было много военных и гражданских чинов.

Сарачоглу Шюкри бей и Карахан за столом обменялись дружескими тостами, отражающими чувства и настроения каждого из них.

Турецкий министр, в форме, подобающей случаю, оставаясь в рамках темы турецко-советской дружбы, говорил об историческом значении последней, Карахан же, в ответной речи, с первого абзуга забил тревогу об «опасностях

надвигающейся войны» и ее неизбежности. «Никто не может утешать себя мыслью, что сегодня не разразится война. Это бедствие может стрястись на нашу голову в любую минуту».

«Страна, готовящаяся к войне, как только доведет свое вооружение до надлежащего уровня и найдет международное положение удобным, немедленно же — в тот день и час начнет войну»...

Говоря о героической совместной борьбе турецкой и советской армий против европейского империализма и о солидарности обоих народов в недавнем прошлом, Карахан констатирует с удовольствием то обстоятельство, что «они и сегодня в момент, когда опасность войны стучится в наши двери, вместе».

«Не трудно догадаться, — продолжает советский министр, — о стороне, могущей начать войну».

— Это те, кто не желает присоединиться к коллективным договорам, гарантирующим мир — принципам, принятым почти всеми европейскими государствами...

Намеки, содержащиеся в этой речи Карахана, которую мы цитируем по отчетам турецкой газеты «Джумхуриет» (17.3.936), по видимому оказались весьма прозрачными и понятными, коль скоро вызвали раздражение в германских кругах.

Берлинское радио на второй же день, после тревожной речи Карахана, поведало всему свету, что хотя слово «Германия» и не было произнесено, тем не менее выпады советского посла были сделаны по адресу Германии, правительство которой дало по сему поводу надлежащие инструкции своему послу в Анкаре, с целью разъяснения этого обстоятельства.

ФОКУСЫ «КРАСНОГО АРХИВА»

«Красный Архив», как известно, претендует на сугубую научность и объективность. Этот толстый советский журнал, если верить его названию, призван поставлять «научным работникам» строго проверенный и документированный архивный материал для исторических исследований.

Как же обращается журнал и подвизающиеся в нем советские «историки» с попавшимися в их руки документами?

Пусть читатели сами судят об этом.

В 68-ой книжке «Красного Архива» была опубликована серия документов, касающихся деятельности национального правительства Республик и Северного Кавказа в лето и осень 1918 года. Были приведены письма членов правительства друг к другу, а также дипломатическая переписка с представителями некоторых европейских держав, с которыми Сев. Кавказское Правительство находилось тогда в сношениях.

Опубликованным документам предпослана «научная» статья некоего тов. Иванова, разъясняющего по всем правилам «диамата» — смысл и значение как публикуемой переписки, так и всего «выдуманного помещиками и капиталистами» национального движения на Сев. Кавказе.

В статье этой ради вящей убедительности автор приводит нижеследующую цитату (приводит, как следует быть, в кавычках) из письма Гайдара Баммата, бывшего тогда в Константинополе, во главе делегации для переговоров с державами четверного союза, председателю правительства А. М. Чермоеву:

«Немцы хорошо осведомлены, что — вран оль 'энкальвэня хин д' мпохонди

висимость — это наша искусственная работа, что большевики пользуются влиянием в народе, который нас не признает».

Безполезно было бы искать среди опубликованных документов, любопытное письмо, из которого извлечена столь ценная для товарища Иванова «цитата». Его нет. — Письмо, на котором в значительной мере построена вся аргументация комментатора «Красного Архива», почему то, как раз и не приведено.

Но почему же? — Ответ на это можно найти в книге бывшего «наркомпроса» Дагестанской Советской Республики А. Тахогоди («Революция и контр-революция в Дагестане». Дагестанское Гос. Издательство. Махач Бала 1927 г.).

Эта книга, только что попавшая нам в руки, написана, как рассказывает в предисловии сам автор, во исполнение заказа Отдела печати дагестинского комитета В.К.П.(б) и является типичным образцом казенной лжи, не только в смысле тенденциозного «марксистского» толкования событий, но и самой беззащитной подставки исторических фактов. — Так вот на стр. 62 этой книги тоже процитировано кем-то комментированное тов. Ивановым письмо Гайдара Баммата, но уже в следующей редакции:

«Немцы хорошо осведомлены о том, что происходит у нас. Все зависит от хода событий в России и в особенности у нас на дому. У них впечатление, что независимость — это наша искусственная работа, что большевики пользуются влиянием в народе, который нас не признает. Это ложное мнение является выводом из того бездеятельного состояния, в котором пребывают наши народы».

Как видят читатели, трык тов. Иванова не очень замысловат. Сократив для большей релье-

ефности цитированный им пассаж письма, он просто на просто выкинул последние строки, анализирующие нужный ему смысл цитаты.

Само собой разумеется, что после такой манипуляции поместить письмо целиком, среди других приведенных документов, оказалось уже невозможным...

В карточной игре для подобных приемов существует соответствующий термин. Как квалифицировать в исторической литературе такие фокусы, пусть ответит «Красный Архив» — а так как он наверное ничего не ответит, то за него ответит вероятно сами наши читатели.

ТАРТЮФЫ ИЗ «КУРТУЛУША»

В Берлине, вот уже два года издается на турецком языке журнал «Куртулуш». Этот журнал, обслуживающий небольшую группу азербейджанских мусаватистов, руководимых г. Расул Заде и получающих политические директивы от грузинских меньшевиков, специализировался, как известно, на всякого рода инсинуациях и клевете на неугодных оставшему лидеру мусаватистов, кавказских деятелей. Одним из наиболее излюбленных приемов журвала, рассчитанных на ее полуграмотную аудиторию, являются обвинения всех инакомыслящих в большевизме. Прием не блестящий ни умом, ни новизной, но требующий, по крайней мере со стороны тех, кто орудует подобными ярмарочными аргументами, абсолютной неспорочности в том грехе, в котором они обвиняют своих противников...

Но вот что находим мы на 31-й странице (примечание) книги С. Т. Арномеда: «Материалы по истории отпадения Закавказья от России» (Гос. Издат. Грузии. Тифлис 1931 г.)

«...Для характеристики политической физиономии Расул Заде достаточно упо-

мянуть, что он в период первой русской революции 1905 года был большевиком...»

В этом любопытном сообщении быв. партийного товарища г. Расул Заде, для людей, знающих «ряд волшебных изменений» политического лица разжалованного лидера Мусавата, бывшего в зависимости от сезона и обстановки то большевиком, то пан-пранистом, то пантураинистом — ничего нового конечно нет. Но в печати былая принадлежность г. Расул Заде к Российской Социал - Демократической партии (большевиков), насколько нам известно, засвидетельствована впервые — и засвидетельствована — согласятся читатели — человеком довольно компетентным.

Вернемся однако к «Куртулушу». Формально редактором этого органа состоит некий Мунш. Человек темный и нишому не известный. Можно было бы думать, что его то политическая репутация по части бывшей или сущей близости к большевикам во всяком случае, как репутация «жены цезаря» вне всяких подозрений.

Но вот письмо, напечатанное этим «непомнящим родства» в журнале «Накануне» (читатели, конечно, помнят этот напумевший в свое время орган сменовеховцев) в номере 73 (590), 28 марта 1924 г.:

Гражданин Редактор,

Не откажите поместить в Вашей газете следующее: в № 411 газеты «Дни» появилась статья А. Шейх-Уль-Ислам-Заде под заглавием «Азербейджанские студенты в Европе». Статья эта вышла уже на прошлой неделе, но мы, мало интересующаясь эмигрантской прессой, не удивительно, что упустили эту статью из виду. Нам хотелось бы пролить некоторый свет на излагаемые г. Шейх-Уль-Ислам-Заде

«факты» и уничтожить в корне неправильное представление, могущее возникнуть у неосведомленной публики в связи с этой статьей. Подход автора к этим фактам и, главное, освещение их, чрезвычайно тенденциозны и рассчитаны не на что либо другое, как на агитацию против рабоче-крестьянского правительства Азербейджана.

Мы всегда сознавали и сознаем ту жертву, которую нам приносит советское правительство, занимаясь нашим вопросом, оказывая нам, при самых тяжелых условиях, материальную поддержку тогда, как правительству А.С.С.Р. приходилось делать героические усилия и напрячь все силы, ведя борьбу на всех фронтах со всевозможными врагами республики, как внутри, так и извне, ломать всевозможные пережитки дореволюционного времени и бросать свои последние ресурсы на борьбу с аналфбетизмом, унаследованным нами от царских времен, с этим бичем для нашего народа и теперь с таким успехом уничтожаемым нашим рабоче - крестьянским правительством. Мы тогда, ни на минуту не сомневаясь в стойком решении правительства поддерживать нас, со своей стороны не падали духом и, не теряя веры, с мужеством переносили те или другие лишения, ибо мы ясно понимали положение вещей. Если года два тому назад

отправляемые нами в Азербейджан делегаты задерживались и возвращались с опозданием, так это происходило не по вине советских властей, а только благодаря исключительному положению Советских Республик, отрезанных от внешнего мира.

Итак мы еще раз повторяем, что отдавая должное заботам советского правительства о нас и оценивая вполне приносимую нам жертву, со своей стороны пойдем на всякие жертвы. Мы никогда не ляжем бременем на шею рабоче - крестьянского правительства, пойдем на всякие лишения, ограничения, доведем наше дело до конца. Максимум через полтора года, закончив наше образование, вернемся домой и оправдаем справедливые надежды, возлагаемые на нас рабоче - крестьянским правительством» и т. д.

Почему после столь торжественных обещаний, данных своему рабоче - крестьянскому правительству г. Мунш, оказался редактором «Куртудуша», а не селькором какогонибудь «Бакинского Рабочего» — остается невыясненным.

Не лучше ли «Куртудушу», при таком специфическом прошлом своих руководителей, меньше заниматься поисками не существующих сучков в чужом глазу и больше думать о бревнах в своем.

ХРОНИКА

ПРЯМОЕ ЖЕЛ. ДОР. СООБЩЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПЕРСИЕЙ

ТАСС сообщает, что с июля месяца установится прямое жел. дор. сообщение между Россией и Персией.

Поезда будут ходить через Эривань и Тавриз. Спустя некоторое время прямое сообщение достигнет Тегерана.

Анат. агентство от 18.3.936 сообщает о назначении тов. Осипова торгпредом в Турцию.

— Официальный рапорт о деятельности закавказского Оссоавиохима отмечает, между прочим, в числе «подлинных стахановцев авиационного дела», парашютистку Сеид-Мамедову, азербейджанку, ученицу-летчицу Гогитидзе, аджарку, пилота Мамедбекову, азербейджанку; другая юная тюрчанка, Селимова Шейкет, является всесоюзной рекордисткой схематической модели самолета.

— Население Агдама, бывшего крупного поселка по дороге Евлах-Шуша, увеличилось теперь до 14.000. Это уже город, соединенный телефоном с окрестными селами. Имеет педагогический «техникум». Имеются скверы и даже парк.

ДЖАФАР ДЖАБАРЛЫ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

В Баку издается двухтомник избранных произведений в переводе на русский язык, талантливого азербейджанского писателя и драматурга, Джафара Джабарлы, умершего в прошлом году. В этом издании будет фигурировать его историко-романтическая поэма «Кыз Каласы» («Девичья Башня»), переведенная поэтом Б. Вриком.

Поэма эта относится к раннему периоду творчества Джабарлы. В основу ее положена

народная легенда, связанная с «Девичьей башней» в Баку — памятником старины XII века.

Вот несколько стихов из пролога этой поэмы, в русском переводе:

Словно тайны гнездо, над Кузгунюм,
Наклонясь у прибрежной косы,
Предается в унынии думам
Молчаливая «Кыз Каласы».

И пресыщена жизнью и скорбью,
Как невеста далеких времен,
Ниче, плечи гранитные горбя,
Нашу жизнь озирает сквозь сон.
В брызгах солнца сверкают строения,
Все блестит в золотистой пыли,
Позади — голоса обновления,
Впереди же скользят корабли.

Всех живое веселье связало,
И вздымаются волны Хазара,
Омывая прибрежный гранит.
Всюду новая песня звенит.

Читатели вероятно знакомы с сюжетом драмы: преступная любовь отца к родной дочери — Дурне. В порыве отчаяния девушка бросается с башни в море. Вот некоторые строки эпизода:

И с тех пор облик башни печален,
И руины задумчивы те,
Отступила вода от развалин,
И тоскуют они в забвенье.

И с тех пор, озирая пространство,
Лишь виденьями былого верны,
Вспоминают умольшее ханство,

И кончину прекрасной Дурны.
В дымке моря угрюмым пророком,
Черный остров маячит, как встарь,
И на темени башни высоком,
Для пилотов мерцает фонарь.

В поэме свыше девятисот строк.